
КАТЕРИНА ПЕЛЕВИНА
СПЕЦНАЗ
МОЛОДЁЖНЫЙ РОМАН
ОПЕРАЦИЯ
"Дыхание"

Катерина Пелевина
Спецназ. Операция "Рыжик"

https://litres.ru/74810134

Аннотация

Сначала она защищала енотов и чуть не сорвала нашу спецоперацию у посольства. Потом пробралась на полевые учения, оправдываясь тем, что нужно спасти гнездо какой-то куропатки. А теперь я нахожу её среди заложников в банке – разумеется, в самом эпицентре опасности.

Это не просто девушка, а ходячая катастрофа с веснушками, зелёными глазами и талантом тащиться туда, где без неё было бы куда спокойнее. Каждый её шаг – вызов порядку, плану и моему самообладанию.

И, кажется, судьба решила, что именно мне предстоит раз за разом вытаскивать её задницу из передряг. Нет, я не против, ведь задница у неё весьма красивая. Даже очень.

Что ж… Операция «Рыжик» объявляется открытой!

Готовьтесь: будет жарко, смешно и, возможно, чуть-чуть романтично. Мур)

В тексте есть:

– Огненное противостояние характеров!

– Одна сумасшедшая неудачница – оптимистка – защитница всего живого!

– Очень горячий, но ещё не знающий об этом спецназовец

– Много юмора, чуть-чуть переживаний и сладкая первая любовь! ❤#

График прод – каждый день

НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И ПОСТАВИТЬ "Мне нравится" (Звёздочку)❤# Пишите комментарии, автору важно❤#

Книга участвует в литмобе «Детка, это спецназ!» -

Содержание

Пролог	6
Визуалы	14
Глава 1.	18
Глава 2.	26
Глава 3.	33
Глава 4.	39
Глава 5.	46
Глава 6.	51
Глава 7.	58
Глава 8.	65
Глава 9.	71
Глава 10.	76
Глава 11.	84
Глава 12.	91
Глава 13.	99
Глава 14.	106
Глава 15.	113
Глава 16.	120
Глава 17.	126
Глава 18.	131
Глава 19.	141
Глава 20.	147
Глава 21.	154

Глава 22. 160
Глава 23. 168
Глава 24. 177
Глава 25. 183
Конец ознакомительного фрагмента. 185

Пролог

Карина Романова

– Нет, нет, нееет, как уже утро?! Нееееет… – от разочарования натягиваю на лицо одеяло и представляю, что на улице всё ещё ночь. Только долго так лежать не получается, да и не работает это, к сожалению. Дела зовут!

Утро вообще началось так, что сразу стало ясно: день будет из тех, когда лучше бы остаться под одеялом и притвориться, что ты умерла. Будто сама вселенная решила проверить, сколько неудач я смогу выдержать за сутки.

Будильник, как оказалось, не сработал. Вообще.

Я смотрю на часы и понимаю, что опаздываю… Если не сказать – уже опоздала!

Вскакиваю, путаюсь в одеяле, падаю на пол с громким звуком – бац! Локоть ударяется обо что-то твёрдое. Боль пронзает руку, но некогда ныть. Подумаешь, ещё один синяк на моём и без того вечно побитом мебелью теле.

Завтрак? Какой, к чёрту, завтрак! Запихиваю в рот кусок вчерашней булки на ходу, хватаю кружку с остывшим чаем, параллельно пытаясь накрасить тушью один глаз, и тут же роняю её. Разумеется, прямо на только что надетые джинсы. Тёмное пятно расползается по волокнам…

Фейспалм… Да почему же я такая неудачница! Разрази меня гром!

Одеваюсь впопыхах. Куртка наизнанку – замечаю только у двери. Переодеваю. Застёгиваю молнию – она застревает. Выдёргиваю с силой – отрываю пуговицу.

– Ну хоть не две, – пытаюсь подбодрить себя, но голос звучит жалко даже для моих ушей. А вообще я оптимистка по жизни, иначе бы уже давно свихнулась!

Выбегаю на улицу. Автобус, который ждал бы меня ещё минуту назад, уезжает прямо перед носом… Как там говорится про бывших и транспорт?! Да пофиг! Следующий ждать уже некогда… Ладно, пойду пешком. Через пять минут понимаю, что забыла зонт. Через десять – начинается дождь. Разумеется, ливень. И гром! Как раз тот самый гром, который по воле моего поганого языка должен меня разразить! Мои рыжие и кудрявые от природы волосы прилипают ко лбу, вода затекает за воротник, а я бегу, прижимая к груди плакат, как последнее сокровище, что у меня осталось. На нём енот с грустными глазами и надпись: «Они тоже хотят жить в мире!».

Добираюсь до площади у администрации и посольства насквозь промокшая, с волосами, которые теперь не рыжие, а тёмно-красные и липнут к лицу, как водоросли. То чувство, когда утром планировала быть русалкой или прекрасной лесной нимфой, а превратилась в чудище болотное или бабку Ёжку на минималках, но зато с принципами! Я здесь. Я на месте. И это главное! Мне ведь ещё нужно ехать на работу после этого.

Спросите, зачем я трачу на это время? Это моя жизненная позиция! Так я выражаю себя! Ну, кто-то готовит, кто-то плетёт разные там фенечки, а я вот – защищаю живых существ, как умею… Порой пристраиваю коробки с котятами или снимаю их с деревьев. А порой исполняю трюки посерьёзнее – фиксирую факты жестокого обращения с животными и отправляю их в нужную инстанцию. Ну или спасаю гнёзда разных птиц.

Сейчас же очередь дошла до енотов… Меня сюда позвала одна знакомая. Только сама, кажется, не пришла… Но зато здесь много других людей.

Толпа уже собралась: активисты, журналисты, зеваки, которые крутят пальцем у виска, глядя на нас со словами «работать идите, бездари», но мне всё равно. Втискиваюсь в первые ряды, поднимаю плакат повыше.

– Мы не уйдём, пока нас не услышат! – кричу я, стараясь перекрыть гул голосов. – Животные – не товар! Они имеют право на жизнь без жестокости!

Кто-то откровенно ржёт. Кто-то снимает нас на телефон. Кто-то подхватывает мой лозунг. И я чувствую прилив сил. В конце концов бесить кого-то тоже талант! Наконец-то делаю что-то важное! Что-то, что может изменить мир, пусть даже чуть-чуть, но привлечь внимание людей.

И тут появляются они…

Спецназ. В полном обмундировании. Серьёзные, хмурые, будто мы не за права енотов выступаем, а планируем взо-

рвать здание. Они выстраиваются цепью, перекрывая доступ именно к зданию посольства. Громоздкие фигуры в бронежилетах, шлемы, строгие лица – всё это выглядит так, будто сейчас начнётся замес. Они же явно сюда не ради нас приехали, правда? Иначе как объяснить другие подозрительные машины вокруг. Значит, там сегодня кто-то есть.

Один из них вдруг подходит ко мне – высокий, широкий, да, блин, огромный! Я вижу только его глаза, но этого достаточно, чтобы разглядеть его строгое лицо и холодный взгляд голубых глаз, будто я – просто грязь на его ботинке.

– Девушка, просили отойти на десять метров, – говорит он жёстко, без тени вежливости. – Вы мешаете операции.

– Как я мешаю?! Я ничего не сделала! Просто стою с плакатом, никого не трогаю!

Он таааак на меня смотрит. Сдвинув брови на переносице, чуть склоняется вперёд.

– Вы стоите в зоне спецоперации. Прошу отойти назад и можете продолжать свою акцию.

– Я никуда не отойду! Там будет не видно! Вы видели мой рост вообще?! Я не дотянусь до окон!

Если бы он был женщиной, он бы точно сейчас закатил глаза, но он лишь тяжело и шумно выдыхает.

– Не портите себе жизнь. Получите административку, потом будете бегать по судам. Отойдите на десять метров.

Я возмущённо вскидываю голову:

– Но мы имеем право на мирный протест! Конституция

гарантирует свободу собраний! Право граждан на проведение митингов закреплено в 31-ой статье, понятно?!

Он усмехается – коротко, презрительно.

– Да мне плевать, – отрезает он. – Уходите, пока по-хорошему просят. Командир увидит – даст приказ. И тогда Вас просто выдавят из буферной зоны.

В смысле?! В смысле выдавят?! Он же это несерьёзно?

Пытаюсь его разжалобить.

– Да Вы только посмотрите на этих милых енотиков!

– Девушка… Какие, б… Енотики… – цедит снова, а потом обращается к толпе, преграждая нам путь. – На десять метров! – показывает жест «назад».

Внутри всё закипает. Как он может быть настолько равнодушным к тому, что действительно важно?! У них вообще нет сердца!

– Вы что, не понимаете? – я поднимаю плакат ещё выше. – Речь идёт о живых существах! О тех, кто не может защитить себя сам! А Вы хотите меня посадить?!

Он делает шаг вперёд, нависает надо мной, как скала.

– Последний раз предупреждаю, – шепчет он разгневанно. – Отойдите. Или я Вас лично отведу в отделение.

Вокруг нас собирается народ. Кто-то снимает. Кто-то подбадривает меня криками: «Не сдавайся!», «Права человека важнее!». Кто-то начинает скандировать: «Свободу протесту!».

Я чувствую, что не могу отступить. Не сейчас. Не после

того, как промокла до нитки, отбила локоть и потеряла пуговицу ради этого момента.

– Нет! – твёрдо говорю я. – Я не уйду. Пока Вы не пообещаете, что власти услышат наш голос! Пока не начнут защищать животных, а не тех, кто их убивает ради меха!

Второй мужчина в обмундировании вдруг резко хватает меня за локоть – не больно, но очень нагло.

– Ты что, глухая? – рыкает он. – Тебе сказали отойти на десять метров.

От неожиданности я чуть не падаю в обморок. Ссориться со спецназом – не стандартное моё ежедневное занятие… Но я ему сейчас такое устрою!

Только не успеваю вякнуть, как тот первый берёт всё в свои руки и тут же прерывает его, строго шепнув что-то на ухо, а затем остро указывает в сторону.

Я перестаю дышать. А потом вижу, как наглец под суровым взглядом моего, теперь уже кажется, защитника, всё-таки уходит прочь.

Внутри всё дрожит, колени подкашиваются, когда мужчина возвращается ко мне глазами, но я не сдамся.

– Ну и упрямая ты, рыжая, – бросает он почти с восхищением. А быть может, мне так просто хочется видеть. – Ладно. Оставайся. Но если начнётся заварушка – сама виновата.

Он отходит к своим, что-то говорит по рации. А я остаюсь стоять, сжимая плакат, чувствуя, как начинаю сомневаться в собственной смелости. Сердце колотится, как бешеное. Ведь

зная мою везучесть, заварушка обязательно начнётся.

Дождь постепенно стихает. Солнце пробивается сквозь тучи, бросает блики на мокрый асфальт. Я оглядываюсь на того спецназовца. Он стоит в стороне, наблюдает за толпой. На секунду наши взгляды встречаются. В его глазах – не просто холод. Там что-то ещё… Загадка? Да нееет… Тестостерон!

Или это просто игра света? А может, мне в глаз что-то попало…

Вообще мужчины в форме такие пугающие и одновременно возбуждающие…

Тьфу ты! Карина! Какие мужчины в форме?! Какое возбуждение?!

Еноты! Жизни енотов важны!

Сейчас главное – не отступать.

Глубоко вдыхаю. Поднимаю плакат выше.

– Мы не уйдём! – кричу снова. – Пока нас не услышат! Пока не перестанут истреблять невинных животных ради прибыли! Пока не примут закон, запрещающий шить из них изделия ради моды!

Кто-то рядом подхватывает мой крик. Другие тоже присоединяются. Голос становится громче, увереннее. Я больше не одна. Нас много. И мы не отступим.

А тот спецназовец всё ещё смотрит в мою сторону, как на какую-то дурочку...

Но неважно. Сейчас я чувствую себя сильной. Я делаю

то, что считаю правильным. И пусть весь мир против – я не сдамся!

Пока вдруг не слышу откуда-то со стороны громкое в рупор:

– Всем лечь на пол! Повторяю, лечь на пол!

И чуть не теряю сознание.

А н-н-нет, когда какой-то парень резко пихает меня в бочину, я заваливаюсь на асфальт и всё-таки его теряю…

Визуалы

Карина
Андрей

И его горячая спецназовская любовь!

Глава 1.

Андрей

По привычке будильник срабатывает в пять тридцать, будто команда «подъём» на плацу. Вскакиваю, не дожидаясь второго сигнала, так как лишние секунды сна могут аукнуться сегодня на тренировке.

Разминка у меня стандарт: пятьдесят отжиманий, пятьдесят приседаний, планка на три минуты. Мышцы разогреваются, пульс поднимается до рабочей отметки. Принимаю ледяной душ.

Холодно, я ненавижу холод…

Зато окончательно просыпаешься, и все, как один, говорят – полезно. Приводит в тонус.

Завтракаю овсянкой с бананом и пью чёрный кофе без сахара.

Такое оно, питание спецназовца.

Я стебусь, конечно. Каждый ест, что захочет и когда захочет. Но привычка – вторая натура. И у меня организм должен получать топливо по расписанию.

На базе тоже всё по плану. Инструкции в половину восьмого. Командир нарезает задачи. Остаётся слушать и внимать.

– Сегодня важное мероприятие у здания посольства, – его голос звучит ровно, без эмоций. – Прибудут иностранные го-

сти, дипломаты, журналисты. Наша задача – обеспечить безопасность. Никаких эксцессов. Всё чётко, по инструкции.

Мы киваем, но в глазах у всех одно и то же…

Без эксцессов – это как сказать «сегодня точно что-то случится».

Опыт подсказывает: если Саныч так говорит, жди сюрпризов.

Дальше у нас стандартная проверка экипировки. Бронежилет, шлем, радиостанция, оружие, перчатки и другая амуниция – всё по списку. Каждый элемент снаряжения проверен трижды – привычка, вбитая годами службы.

Затем тренировка на полосе препятствий. Бегаем, прыгаем, перелезаем через стены, ползаем под колючей проволокой, таскаем шины. Пот льётся ручьём, футболка прилипает к спине. Рядом Серёга, мой напарник, пыхтит с больным коленом.

– Ну что, Андрюха, сегодня точно будет скучно?

– Саныч обещал без эксцессов, – отвечаю, перепрыгивая через бревно. – Значит, жди апокалипсиса.

Стрельбы. Мишени. Выстрелы. Попадания. Инструктор кивает:

– Неплохо, бойцы. Но можно лучше.

Дальше у нас обед, но без изысков. Картофельное пюре, котлета, салат из капусты. Запиваю чаем и слушаю разговоры коллег:

– Вчера в новостях читал, что приезжают из Пекина. Моя

докопалась… Вы туда, вы туда? Никак не угомонится…

– Поэтому я без отношений… Так проще… – отрезаю я, толкая в рот кусок чёрного хлеба с чесноком и откусывая половину одним рывком, как дикарь.

– Андрюха, походу, не поэтому, – угорает Серёга, глядя на это зрелище, и я ржу.

– Да… Походу… Лилька тоже так говорит…

Потому что мне в целом не до этого. У нас работа такая, что дома сутками не бываешь. И я тот ещё варвар. Да и в целом мне это всё как бы по барабану. Женщина – она ж тебе не Калаш, её разобрать и собрать не получится. Вот какая есть, такая тебе и достанется. А ты потом думай, чё с ней делать и куда бежать в случае надвигающейся грозы, как Саныч, когда развёлся… Не, не моя тема, увы.

– Там дипломатический приём. Вот и усилили охрану, – добавляет Миха. – А ещё, слышал, какие-то активисты собираются протестовать…

– Против чего? – хмурюсь я.

– Против меховых изделий, типа защищают права енотов. В общем, какая-то гражданская инициатива.

Серёга хохочет:

– Отлично. Даже у енотов теперь есть права… Как бы мы им ни помешали полоскунов своих защищать…

– Хах, точно…

– Крокодилы пусть с митингующими разбираются, а мы займёмся своим делом.

– Было бы идеально, – кивает Серёга. – А то опять придётся вежливо просить «уважаемые граждане, идите нахер, пожалуйста, не мешайте работать»… Уп-с, я это вслух сказал?

Мужики начинают ржать. Я – тоже…

И тут раздаётся сигнал тревоги. Все мгновенно встают по стойке «смирно». Командир берёт рацию:

– У нас срочный вызов! Возле посольства митинг, но это не главная проблема. По данным службы безопасности, есть угроза теракта. Объект – здание посольства. Наша задача: эвакуация гражданских, оцепление периметра, группы захвата – на позиции!

Мы переглядываемся. Шутливый тон моментально испаряется.

– Так, парни, – продолжает он, глядя на нас. – Всё серьёзно. Работаем по протоколу 3-0: эвакуация, оцепление, нейтрализация угрозы. Никаких импровизаций. Всё чётко, по инструкции.

Мы с мужиками киваем.

Через десять минут мы уже на месте. Построение. Распределение задач. На месте уже ФСБ и МЧС. Я – в оцеплении до приезда ОМОНа для контроля периметра.

Вижу толпу с кучей плакатов. Кто-то орёт в мегафон. Кто-то размахивает транспарантом. Устроили тут, бл…, добрый вечер…

Возле здания машины с иностранными номерами, а тут такое шоу.

Подхожу к барьеру. Осматриваю толпу – взгляд скользит по лицам, выискивая подозрительные элементы. И тут вижу её…

Меня как молнией прошивает. Я в принципе не способен замечать кого-то во время работы… А тут…

Рыжие волосы, будто сигнальный огонь в этом сером утре. На румяных щеках беснуются веснушки россыпью. Зелёные глаза горят праведным гневом. Она стоит прямо у барьера, машет руками и что-то громко кричит. В руках у неё плакат с енотом и надписью: «Они тоже хотят жить в мире!». Я невольно усмехаюсь про себя. Еноты, мля… Сумасшедшая.

Но что-то в её упрямом взгляде въедается в сознание.

Между нами случается лёгкая перепалка, и мне совсем не нравится, как себя ведёт Миха. Поэтому на ухо я прошу его отойти в сторону, пока он не нажил проблем всему отряду. Ведь такие как она могут потом сто миллионов жалоб настрочить за превышение полномочий, а нам оно нах не надо. Он отходит, а я подхожу к ней вплотную, сказав, что то, что она остаётся на её совести.

Сам иду к бойцам, слыша её голосок за спиной. Пиздец у них, конечно, требования… Бабы…

– Внимание! – раздаётся голос командира по рации. – Угроза подтверждена. В здании может находиться террорист со взрывным устройством. Всем гражданским – немедленно лечь на землю! Повторяю: всем лечь на землю, не двигаться!

Мы принимаем команду и сразу же бросаем толпе завет-

ное «всем лечь на пол». А дальше уже начинается, как всегда...

Они замирают на секунду, а потом выдают такой хаос, хоть стой, хоть падай. Бросаются врассыпную, кричат, толкаются. Паника нарастает лавинообразно. За всю историю моей работы ни разу не было так, чтобы всё исполняли по требованию. Люди как бараны. Сразу начинают жёстко тупить, подвергая опасности и себя, и товарища рядом…

Краем глаза замечаю, как ту самую девку с рыжими волосами сбивают с ног – кто-то из бегущих задевает плечом, она теряет равновесие, падает. Ещё пара человек натыкаются на неё, спотыкаются… Она не успевает подняться – вот-вот её затопчут в этой толпе.

Реакция срабатывает быстрее мыслей, что мне не до этого сейчас. Этим вообще не мы заниматься должны, но я бросаюсь вперёд и пробиваюсь сквозь толпу, как будто от этого зависит моя собственная жизнь.

– Назад! Отойдите! – ору, отталкивая людей.

Наклоняюсь, подхватываю эту дурочку на руки – она без сознания, голова безвольно откинулась, веснушки резко выделяются на бледном лице. Аккуратно прижимаю её к груди, прикрывая бронежилетом, и быстро отступаю к краю площади, где меньше давки.

Кладу её на асфальт, слегка похлопываю по щекам:

– Эй, слышишь меня? Очнись!

Рядом застыла пожилая женщина в пальто, с ужасом смот-

рит на девушку.

– Вы! – резко обращаюсь к ней. – Быстро вызывайте «скорую»! Наберите 112, скажите: пострадавшая в зоне оцепления у посольства, потеря сознания, возможна травма головы. Повторите диспетчеру всё чётко.

– Д-да, конечно, – женщина дрожащими руками достаёт телефон.

Девушка медленно приходит в себя, моргает, зелёные глаза фокусируются на моём лице, а потом её снова вырубает.

Ох и слабенькая же ты, зеленоглазая. Куда только лезешь, а… Со своими дебильными плакатами…

По рации докладываю командиру:

– Жора, это Зарница. Гражданская без сознанки, лежит в безопасной зоне у северо-западного ограждения. Скорую вызвали, медики в пути. Продолжаю выполнение задачи.

– Принято, Зарница, – отвечает он. – Присоединяйся к группе.

Я бросаю последний взгляд на неё, и топаю к своим пацанам, которые уже двигаются к зданию.

– Группа захвата, вперёд! – звучит команда командира. – Работаем по протоколу.

Мы срываемся с места. Штурмовая группа исчезает в здании посольства…

***

Книга участвует в литмобе «Детка, это спецназ!»
https://litnet.com/shrt/2Z06

Детка,
ЭТО СПЕЦНАЗ
#СПЕЦНАЗ
#НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА
#ГЕРОИНЯ В БЕДЕ

Глава 2.

Карина

Сознание возвращается медленно, будто я выныриваю из толщи тёмного водоёма. Ещё секунду назад в ушах стоял гул толпы, крики, топот ног… А теперь – тишина, прерываемая лишь тихими разговорами и шуршанием пакетов, будто у кого-то никак не получается его раскрыть на кассе… Да что ж это такое-то! Помогите уже кто-нибудь человеку, очередь собралась!

Какая к чёрту очередь, Карина? Ты не в магазине… Ты на носилках!

Открываю глаза. Надо мной виднеется серое тучное небо, размытое из-за наворачивающихся слёз. Рядом сидит какая-то женщина в тёмно-зелёном пальто, а чуть поодаль стоят двое медиков в синих куртках. Приснится же такое…

– Что произошло? – хрипло спрашиваю я, пытаясь сесть.

– Ох, милочка, чуть не затоптали! – всплескивает руками женщина. – Куда ж ты лезешь, а!? Я из-за тебя на автобус опоздала!

Ничего не понимаю… Кто это вообще?! И причём тут я?

– Как Вы себя чувствуете? – склоняется ко мне фельдшер, доставая фонарик. – Голова не кружится? Тошноты нет? Зрение не размывается?

Я киваю, пытаясь собраться с мыслями.

– Всё… нормально, кажется. Только в боку колет.

– Это от удара, – поясняет фельдшер. – Вы упали, Вас задели несколько человек. Хорошо, что Вас вовремя вытащили из толпы.

– Вы? – переспрашиваю я у этой женщины.

– Да что ты, глупая, куда мне, старой! Один из спецназовцев, – подхватывает женщина. – Высокий такой, серьёзный, здоровенный. Он тебя буквально на руках вынес оттуда, положил здесь и велел нам присмотреть. Потом вернулся к своим.

В голове вспыхивают воспоминания о нём… Я действительно видела его – в тот момент, когда сознание уже уплывало. А-то я думала, что брежу…

– Спасибо, – шепчу я, скорее себе, чем окружающим.

Поднимаюсь, опираясь на руку фельдшера. Тело ноет, но в целом всё в порядке. Оглядываюсь: площадь почти пуста. Несколько активистов собирают плакаты, полицейские о чём-то переговариваются.

– А где они все…?

– Так уж разъехались… Угроза не подтвердилась…

– Яссссно…

Кто бы сомневался! Им лишь бы людей от важных дел отвлекать! Сначала угрозы свои дурацкие подтвердите, потом уже лезьте к гражданам со своими «всем на пол!». Обидно даже!

Но самое обидное, что я смотрю на время и с ужасом по-

нимаю, что снова опоздала на работу. Уже десять!

Дьявол!

Тут же беру ноги в руки и стремлюсь на остановку, но там, как назло, ни одного нужного мне маршрута. Тогда я решаюсь добежать пешком… Тут всё равно всего пять остановок. Волосы прилипают ко лбу, глаза слезятся… И голова до сих пор кружится… Но я всё же добегаю туда за считанные пятнадцать минут…

Офис встречает меня гнетущей тишиной. Все уже давно на местах, только я вваливаюсь, растрепанная, в грязной куртке и с синяком на лбу, я уж молчу про гематому на рёбрах, но её, слава Богу, не видно...

– Карина, – раздаётся за спиной сердитый голос босса, Виктора Семёновича. – Ты опоздала на полтора часа. Опять.

Он выходит из своего кабинета, поправляет галстук и смотрит на меня с видом человека, который только что поймал мышь в мышеловку. Как будто караулил, а! Достал уже меня со своими «приколами»! Нет, я не говорю, что опаздывать – хорошо… Но вот Люда – его секретарша тоже опаздывает и ничего! Он ей ни слова не говорит! Ни слова! Только кофе у неё просит… Слишком часто, должна заметить…

– Зайди ко мне в кабинет.

– Хорошо… – я снимаю с себя влажную после дождя куртку, вешаю на крючок. А затем следую за ним, прикрыв за собой дверь.

– Там… там был митинг, – пытаюсь объяснить с порога я.

– Потом паника, теракт, спецназ…

– Что ты как ребёнок, Карина. Я и без того видел в новостях, ты там что делала?

– Я… Меня зацепило… Я… Мимо проходила…

– Мимо…, – кивает он, медленно обходя вокруг меня и смотрит как удав. У меня аж мурашки по коже. – Но это не повод нарушать трудовой распорядок. Хотя… знаешь что? Давай-ка мы с тобой найдём более полезное применение твоему времени.

Он подходит вплотную, слишком близко, и понижает голос до противного шёпота:

– Может ты закроешь дверь. И разденешься. А потом поговорим о твоём опоздании… Что думаешь?

– Я же разделась… Специально сняла куртку, чтобы Вам там тут всё не закапать…

– Кариночка, ну раздевайся дальше, не тупи, солнышко…

Я замираю на секунду, переваривая эти гнусные слова, а потом во мне вскипает такая злость, что даже голова перестаёт болеть. Щеки пылают от возмущения. Он всегда на меня странно смотрел, а тут уже совсем оборзел, прямо мне такое заявлять!

– Что?!

– У тебя под чердаком хорошо течёт?

– Чего?! Под каким, нафиг, чердаком?! Что Вы такое говорите вообще?!

– Ну, говорят, когда крыша ржавая… Ты сразу как при-

шла, я понял, что мы поладим. Рыжая… У меня с вами совместимость… Вы хорошо смотритесь на полу на коленях…

Как же меня бомбит! И как ему не стыдно… Ему сколько? Лет сорок пять! Он ещё и женат! А мне только-только двадцать один год исполнился! Больной на голову упырь! Я не выдерживаю. Гордость задета…

– А Вы хорошо будете смотреться в инвалидном кресле, я уверена! Уж не знаю, с кем у Вас там какая совместимость, а у меня парень – спецназовец! – выпаливаю я, сама не ожидая от себя такой смелости. – Он Вам за такое такоое сделает, что весь год хромать будете!

Он усмехается. И тут до меня доходит, что они с секретаршей тут так часто делают и почему её не ругают за опоздания! Люда, Люда… Ну как так можно?! Теперь эта гнида думает, что все его хотят, принадлежат и ему за это ничего не будет. Вот так руки и развязываются… У некоторых гадов!

– Да нет у тебя никакого парня, я наблюдал за тобой… Никого рядом с тобой нет. Всё время одна ошиваешься…

Вот ведь сволочь, а… Я тебе покажу одна!

– Потому что у него работа тяжёлая, но ради такого случая он с удовольствием оставит службу, чтобы переломать Вам парочку костей!!!

Виктор Семёнович на мгновение теряет самообладание, но тут же берёт себя в руки. Лицо его багровеет от ярости. Зачем я так сказала? Не знаю… Просто тот здоровенный парень никак не выходит из моей головы…

– Что?! – шипит он. – Ты ещё и угрожать мне будешь? В моём же офисе после того, как опоздала в сотый раз?!

– Я не угрожаю, – твёрдо отвечаю я. – Я констатирую факт и отвечаю Вам на харассмент! И сто раз я не опаздывала… Ну, может, девяносто девять… Но явно не сто!

– Ну всё, хватит! – он резко выпрямляется и тычет пальцем в сторону двери. – Вали отсюда! Раз по-хорошему не понимаешь. Уволена с этой минуты! Никаких расчётов, никаких рекомендаций – чтобы духу твоего здесь не было!

– С огромным удовольствием, старый извращенец! – бросаю я сквозь зубы.

– Дура!

– Сам лижи свои морщинистые яйца, понял?! – нарочно ору на весь офис и хлопаю дверью, чтоб ему неповадно было. Иду к своему столу. Давно уже пора было уйти отсюда. Зарплату не повышают, задачи растут. Что тут вообще ловить… Правда? Нет, не правда… Я быстро нигде не смогу найти замену… У меня опыта работы здесь меньше года. Это первое моё место после универа и сразу такая подстава. Может, нужно идти в трудовую инспекцию и написать на него жалобу?! Подумаю об этом завтра или, пожалуй, даже сегодня!

Сгребаю в пакет всё, что попадается под руку: блокнот, флешку, косметичку и кружку с надписью «Лучший сотрудник месяца», как единственное поощрение в этой чёртовой богадельне… Надеваю куртку, застёгиваю молнию, разворачиваюсь и с гордым видом шагаю к выходу.

Правда на пороге предательски спотыкаюсь о собственный шнурок. Пакет раскрывается, и всё содержимое с громким стуком вываливается на мокрый асфальт. Кружка разбивается, блокнот промокает, косметика рассыпается вместе с моим растоптанным эго.

– Спасибо тебе, Господи! – громко восклицаю я, глядя в серое небо. – Что дальше?! Метеоритный дождь?!

Присаживаюсь на корточки и начинаю собирать свои вещи. Только тут, к сожалению, теперь всё на выброс… С грустным выражением лица выбрасываю всё в урну, поднимаю взгляд на окно, где стоит мой теперь уже бывший ухмыляющийся начальник, и не стесняясь, показываю ему средний палец. Его рожа искривляется.

А я выпрямляюсь, вытираю слёзы и делаю первый шаг в новую жизнь. Без этих домогательств и нелюбимой работы!

Но спецназовец с голубыми глазами… Так и не выходит из моей головы…

Глава 3.

Андрей

Неделя выдалась адской: три ночных дежурства, учения в лесу под дождём и пара выездов по тревоге. Когда наконец настал выходной, я выдохнул с таким облегчением, что даже плечи расслабились, будто с них спал здоровенный камень. План был простой: съездить в торговый центр, закупиться продуктами на неделю и провести остаток дня дома, в тишине.

Только не всё так просто, как кажется…

Торговчик встретил меня привычной суетой: тележки, очереди, рекламные объявления из динамиков. Я прям максимально терпеть это не мог – закупаться… Особенно, если рядом орали дети. А в этот раз их было так много, что они оглушали. Буквально. Будто нарочно выбрали это место и этот час для своих дебошей. Чтобы у меня глаз задёргался… Для меня они были пострашнее террористов. А если пробегали мимо с игрушечным пистолетом или гранатой, так и хотелось достать настоящие… Нет, я шучу, конечно. Просто припугнуть, чтобы шило из жопы наконец вышло. А-то ведь когда мимо пролетает такой вот шалопай и орёт во всю глотку какую-нибудь херню вроде «six-seven, six-seven» на репите, волей-неволей думаешь, что никогда не станешь заводить детей…

Я взял корзину и двинулся вдоль рядов, машинально складывая в неё всё подряд, лишь бы побыстрее: макароны, консервы, замороженные овощи, крупы, пару пачек чая… Главное – чтобы на неделе было из чего готовить, а разбираться в нюансах вкусов и сочетаний сейчас не хотелось. Хотелось побыстрее рассчитаться и свалить домой…

И тут…

Прохожу я мимо отдела с фруктами, беру яблоки, бананы, апельсины… Взгляд скользит по рядам, по людям и вдруг замирает… Вдалеке, у стеллажа с молочными продуктами, мелькают рыжие волосы. Сердце тут же тормозит, а затем вновь начинает биться, только уже с новой оглушающей силой и скоростью…

Я застываю на месте, корзина чуть не выпадает из рук. В голове мгновенно всплывает та сцена у посольства: зелёные глаза, веснушки, плакат с дурацким енотом… Неужели она?

Делаю несколько шагов вперёд, вглядываюсь внимательнее. Девушка поворачивается, и я тут же понимаю, что нет. Совсем другая… Просто волосы похожие. У меня аж внутри всё подрывает.

– Бред какой-то, – бормочу себе под нос, мотаю головой и возвращаюсь к своему списку покупок.

Дохожу до кассы, выкладываю продукты на ленту. Кассирша что-то говорит про акцию, я киваю, не слушая. Мысли всё ещё где-то там… В её странном образе. Почему я её запомнил? Почему сейчас так отреагировал? И вообще… На-

деюсь, она там очнулась после давки, а то ведь сразу видно было – непутёвая…

Загружаю пакеты в багажник, сажусь в машину и уже еду домой, как вдруг по пути звонит сестра Лилька.

– Андрюшка, выручай! – голос у неё, как всегда, весёлый, но настойчивый. – Мне сегодня надо перетащить пару шкафов и диван. Поможешь?

– А чё твой додик слащавый где…

– Андрей, блин! Он не может, работает!

– Он у тебя всегда работает… Только вот денег не приносит почему-то…

Я не сторонник сводничества, но честно, лучше бы реально кого-то из моих парней выбрала. Серёга по ней уже который год сохнет. Я не навязываю. Просто констатирую факт. Что если выбирать между Серым и её этим Игорюшей, то выбор как бы очевиден. Давно бы уже всё ей перетаскал, даже с больной коленкой. И мне бы не пришлось тогда. Двойная выгода, получается… Но кто меня слушает?

– Бла-бла-бла… Так ты поможешь или будешь языком чесать?!

– Лаааадно, – вздыхаю я. – Куда подъезжать?

– О, спасибо, братик! Ты лучший! Жду через час, адрес сейчас скину!

Я мысленно отключаю трубу и делаю вид, что она села. Мысленно доезжаю до дома, врубаю что-то по телеку и дрыхну, сколько мне позволит моя окаменевшая совесть. Но…

Только мысленно…

Через сорок минут я уже помогаю Лильке перетаскивать мебель в новой квартире. Мы работаем, болтаем о разном: о её новой работе, о родителях, которые вечно пытаются меня свести с кем-нибудь «подходящим», о перспективах завести семью. Вот и она взялась тоже… Потому что сама нашла себе какого-то прыща беспонтового, который даже кресло передвинуть бы не смог… И теперь хочет перевести их внимание с себя на меня…

– А ты когда уже одумаешься? – подкалывает Лиля, вытирая пот со лба. – Пора бы уже и о детях подумать. Возраст-то идёт!

– Да ну тебя, нафиг… Твоего примера достаточно! Лучше не беси, а то я тоже начну.

– А что ты начнёшь? У меня вообще-то есть отношения!

– Дело в качестве, Лилёк… В качестве… Тебе брат дан, чтобы от тебя ушлепанов всяких отпугивать, а ты его сугубо в корыстных целях используешь.

– Ну ты же здоровяк! Чё тебе стоит?!

Я ржу.

– Противный такой стал. Ты же стареешь, Андрей!

– Ага, благодарю, – хмыкаю я. – Очень обнадеживающе.

– Да я серьёзно! – не унимается сестра. – Тебе уже не двадцать. Пора бы и остепениться…

– Мне и так нормально, – пожимаю плечами. – Без всей этой суеты.

– Ну и зря! – она ставит коробку на пол и смотрит на меня с укоризной. – Одиночество – это грустно.

– Зато без скандалов и недопониманий, – парирую я. – Всё чётко и по инструкции.

– Ох, ты невозможный ворчун! – она качает головой, но в глазах смешинка. – Но я всё равно тебя люблю… Надеюсь, ты не состаришься в гордом одиночестве, как сморщенный забытый в трещине прилавка изюм…

Я отмахиваюсь и ржу. Ибо мне реально пофиг, что они там мне навязывают. Все эти семейные ценности весьма гиперболизированы…

Мы ещё немного пререкаемся, смеёмся, вспоминаем детство. Потом я помогаю ей расставить последние коробки, прощаюсь и уезжаю к себе.

Квартира встречает меня тишиной. Пустая, просторная, с минимумом мебели – зато моя. И куплена на кровно заработанные. Этим я горжусь.

Разгружаю продукты, ставлю чайник. Сажусь на диван, закрываю глаза и просто слушаю тишину.

Да, скучновато. Да, иногда одиноко, аж выть хочется. Но зато здесь никто не будет требовать объяснений, не станет упрекать за поздний приход или за то, что я опять забыл купить цветы «просто так». Была у меня как-то девушка. Мозг выносила качественно, но недолго. Потому что я просто послал её на все четыре стороны и больше с ней не пересекался…

А здесь у меня всё подчинено порядку, расписанию, правилам. Как на службе.

Может, Лилька и права – в чём-то я действительно стал слишком «скучным». Но пока это мой выбор – мой покой и моя зона комфорта.

Включаю телевизор, нахожу какой-то старый боевик, наливаю чаю. За окном начинает накрапывать дождь. Я откидываюсь на спинку дивана и наконец-то расслабляюсь. Выходной только начался – и он обещает быть именно таким, каким я его хотел: тихим, предсказуемым и без лишних сюрпризов.

Без рыжих бестий и противных енотов с огромными зелёными глазами.

Ой, то есть, наоборот.

Скорее бы отпуск, мать вашу…

Глава 4.

Карина

Кабинет HR-менеджера очень даже известного всем банка пахнул для меня запахом дешёвого кофе и безысходности. Я была почти уверена, что мне здесь делать нечего, но мне это место предложил центр занятости, так что я решила попробовать… Мужчина лет сорока с лицом, будто вылепленным из теста для пельменей, листал моё резюме с таким видом, будто искал в нём скрытые послания инопланетян.

– Значит… Вас уволили? – наконец поднял он глаза. В них не было ни капли сомнений в том, что он уже решил меня не брать. Зачем вообще расспрашивал? Ах ну точно, кажется, чтобы поржать надо мной… Ну и из обязательств перед центром…

– Ну… Я сама ушла, – поправила я.

Он вопросительно изогнул бровь.

– Начальник домогался, – прямо сказала я.

– Да? – он задумчиво постучал ручкой по столу.

– Потому что я не стала с ним спать, – уточнила я для ясности.

HR-менеджер кашлянул и перевёл взгляд на монитор.

– Характеристика от него пришла не очень хорошая, – произнёс он.

– Это потому что я не легла с ним в постель, – терпеливо

повторила я. И так ведь было ясно! Но он продолжал смотреть на меня странным взглядом. – А ещё, потому что он – мерзкий упырь, дорвавшийся до места начальника, как и большинство… Но Вы не такой, конечно же…

– Конечно, – покашлял он. – Он пишет, что Вы опаздывали, нарушали дисциплину, светились в новостях с какими-то протестами…

– Ну, иногда да, – призналась я. – Но опаздывала я не всегда, а только когда спасала мир. Дисциплину нарушала исключительно во имя добра. А в новостях оказывалась случайно… Просто я активистка, не люблю журналистов, но журналисты почему-то любят меня… Как и камеры, к сожалению… – я опустила взгляд, замолкнув…

Он покосился на меня так, будто я только что призналась, что прилетела с Марса.

– Ладно… Что ж… Мы Вам позвоним, – наконец выдавил он.

«Блин», – подумала я, выходя из офиса. – «Видимо, обо всём нужно врать прямо в лицо.

Да, я пунктуальна как швейцарские часы. Да, я дисциплинированна как робот. Да, я никогда не попадаю в новости и не привлекаю лишнего внимания – я вообще невидимка.

Месяц. Целый месяц с момента увольнения. Сбережения таят, как мороженое в июльскую жару, но на съём квартиры пока хватает. Я сижу на подоконнике, смотрю на дождь и думаю: «Может, открыть бизнес по сбору слёз неудачников?

Может есть ещё такие, как я?».

И тут – чудо! В телефоне вспыхивает уведомление от группы активистов:

«Срочно, волонтёры! На поле у деревни «Сосновка» дети обнаружили гнездо краснокнижной серой куропатки! Без матери! Хищники бродят рядом! Нужно эвакуировать яйца!».

Я подскакиваю так резко, что чуть не пробиваю головой потолок. Вот он – мой шанс спасти кого-то и отвлечься от поисков работы!

Через час я уже трясусь в душном автобусе, потом иду пешком через поле, потом ещё через одно, потом через какое-то подозрительно мокрое болото… Хорошо, что меня не затягивает внутрь по какой-то неясной мне причине… Может, говно реально не тонет? Да нет, я хорошая, честно!

Солнце палит, ноги гудят, рюкзак с термосом и аптечкой оттягивает мои хрупкие плечи, но я иду и иду к цели!

И вот оно – гнездо!

Маленький аккуратный кружок из травы, а в нём – три буровато-песчаных пятнистых яйца. Я опускаюсь на колени, затаив дыхание… Боже. Какая красота… Гармония, природа. И я вместе с ней на одной волне… Да я же создана для этого!

– Никакие хищники вас не съедят, мои хорошие…

И в этот момент где-то вдалеке раздаётся автоматная очередь. У меня аж сердце подлетает к глотке.

– А-а-а-а!!! – визжу я, подпрыгивая на месте. Затем ещё одна, и ещё… Я не знаю куда себя деть. Только подниму голову, они шмаляют.

И вдруг из-за кустов выскакивает спецназовец в полной экипировке. Знакомые ледяные глаза смотрят на меня, как на привидение.

– Ты что здесь делаешь, сумасшедшая?! – рявкает он, хватая меня за руку.

– Гнездо спасаю! Куропатку! Краснокнижную! – тараторю я, тыча пальцем в траву. – Там яйца! Ценные! Их срочно нужно спасать!

– Ты дура, да?! Какие, нах, яйца?! Тут учения проходят! Вали отсюда, а! – он отталкивает меня в сторону, а я бросаюсь к гнезду вновь.

– Нет, нет, нет! Пожалуйста!

– Слушай, я серьёзно! Воооон туда тебе нужно! Уходи говорю, пока не зацепило!

– Но яйца…!

– Я тебе сейчас твои яйца… – огрызается он, делая шаг в их сторону, и я тут же кричу, подбегая к нему и начав колотить его по спине кулаками.

– Не трогай их! Не трогай яйца руками!

– Да не трогаю я твои яйца, успокойся уже! – дробит он, таща меня за собой.

– Но гнездо! – упираюсь я в истерике. – Его надо спасти!

– Спасём сейчас, блин, но подальше отсюда! – он подхва-

тывает моё гнездо с яйцами, аккуратно пристраивает его у меня на груди. Я чуть не умираю от ужаса, что уроню их, а он волочёт меня к краю поля прямо вместе с ним.

Мы бежим, пригибаясь, под звуки отдалённых команд и выстрелов. Я прижимаю гнездо к себе, как младенца, и на бегу продолжаю инструктировать:

– Только осторожно! Они хрупкие! И не тряси меня так – ты же и их встрясёшь тоже!

– Клянусь, если ты не замолчишь, я тебя так встряхну сейчас, мало не покажется! – шипит он. – И зачем ты вообще сюда притащилась?! Больная на голову!

– Я не больная! – гордо отвечаю я. – Я всегда всех спасаю! То енотов, то куропаток!

«То себя от голода» – хочется добавить, но у меня это пока слабо получается…

– Добрые люди написали в группу, что тут дети их обнаружили! – выдаю я, хотя понятия не имею, что тут вообще могли дети делать… Мы маленькие, конечно, тоже везде шлялись, но не в таких опасных местах точно…

– Какие тут, нахрен, дети?!

– А я почём знаю!? За что купила, за то и продаю! Да стой ты! Я не успеваю!

– Иди быстрее!

– Не могу! Я устала! У меня рюкзак тяжёлый!

Он вдруг забирает у меня его, усмехаясь, вздыхает и ускоряет шаг. Кажется, для него этот рюкзак вовсе не тяжёлый…

Когда мы выбираемся в безопасную зону, я наконец перевожу дух. Чуть от страха не умерла. Я же знать не знала, что тут учения ещё какие-то проводят. Гнездо целое, яйца невредимы, а я… А я стою перед ним и глупо улыбаюсь, не веря, что встретила его снова.

– Спасибо, что спас… Меня… И не разбил мои яйца…

– Ага, иди давай уже отсюда, и больше не попадайся мне на глаза, очень тебя прошу, – добавляет с усмешкой и протягивает мне мои вещи. – Ты чуть сама не добила их своей гиперопекой.

– Зато они живы! – я торжествующе поднимаю гнездо. – И скоро станут птенцами!

– Главное, чтобы ты сама не стала жертвой своего героизма, – качает он головой, поправляя обмундирование. Как только тащил меня с этой тяжестью за спиной? Ужас… Хотя он такой большой, ему, наверное, не сложно. – Что? – спрашивает, заметив мой любопытный взгляд, и я тут же увожу свои бесстыжие глаза в сторону.

– Ничего…

– М-м-м… Ну я так и думал, рыжая… Имя-то у тебя есть…?

– Карина…

– Карина… Запоминай, идёшь прямо по тропинке, не сворачивая никуда, сигнала тут нет, так что не пытайся даже звонить никуда… – он начинает уходить, а я кричу ему вслед.

– Спасибо… А у тебя?! Какое у тебя имя?!

Он только смеётся. А я улыбаюсь, как дура… В целом моё спецзадание прошло отлично.

В конце концов, если спасать мир – значит попадать в неприятности, то я готова. Хотя, может, в следующий раз стоит начать с чего-то попроще. Например, с поиска работы. А-то ведь есть действительно скоро станет нечего и спасать придётся уже меня. От голода. Эээээх…

Глава 5.

Андрей

– Вот ведь ненормальная, а… Карина, – бормочу себе под нос, возвращаясь к ребятам с поля. Весь уделанный, блин… В каких-то ветках, в песке, в грязи. По болоту ещё пришлось пройти, все ботинки свои уделал из-за неё. Пиздец…

Но её имя мне нравится… Ка-ри-на… Смакую на языке… Пока мысленно не даю себе по башке оплеуху.

Андюха… Причём тут вообще её имя, а?! Ты на учениях вроде как. Херней какой-то ванильной страдаешь! Детский сад «Тормозок», младшая группа.

Парни тут же поднимают головы от раскладной карты местности – все как один уставились на меня, рты приоткрыли. Серёга первым нарушает тишину:

– Ты чё, куда пропал? Поссать же вроде пошёл?

– Не поверите, бля, мужики… Там такое было…, – начинаю я, сам ещё толком не понимая, зачем вообще это рассказываю. Да и что рассказать? Что я с одной сумасшедшей спасал чьи-то яйца? Они, походу, всю жизнь это вспоминать будут. Да и я уж точно не забуду…

– Какое? Лохматое и большое? – тут же вставляет Серёга, и остальные давятся смехом. У нас тут байка ходила одно время, что Майор, так называли одного из старых командиров, видел на учебке Йети… Снежного человека. А оказа-

лось, просто словил белку, потому что нажрался. Вот они и продолжают стёб, сравнивая меня с ним.

– Серёга, заткни варежку, а… – огрызаюсь я, но это только подливает масла в огонь.

Они ржут в голос, хлопают друг друга по плечам, кто-то давится печеньем. Я отмахиваюсь:

– Да в жопу вас! Задолбали.

Дома покоя нет. Лилька там всё под жопу меня пинает, чтобы девушку себе искал, так ещё и эти напрягают, издеваясь надо мной. Надо было новенького к ней пнуть. Пусть сам бы с ней разбирался… Хотя я бы тогда не узнал её имя, скорее всего. А мне чертовски хотелось, по праве говоря…

– Ну чё ты, рассказывай уже! – не унимается другой. По позывному Лис. – Что там за драма такая случилась в кустах?

Я сдаюсь, скривив рожу, и коротко вываливаю:

– Там девчонка, кароч… Та самая, с митинга. Такая рыжая… Бросилась спасать гнездо куропатки. Прямо пока вы шмаляли… Не прям в зоне, но неподалеку, метрах в двухсот от того места, где я был, слышимость достаточная. И нет бежать от этих звуков, она прёт прямо на них и ещё и орёт на меня: «Не трогай яйца руками!».

Молчание… А потом просто все в голос начинают ржать, как кони. Гады, а…

Ну я примерно так и думал… Нахер рассказал?

– Бля… – пожимаю плечами.

– Ахахахаха! Лучше б она твои яйца полирнула! – выдаёт

Серёга, сгибаясь пополам от смеха. Меня аж передёргивает. Вот ведь уродец, а…

– Слышь, чё так неуважительно о даме, а? – рыкаю я. – Черти…

– Сорри, братан, не удержался…

– Да ладно, Андрюх, – уже серьёзнее говорит Лис. – Может она тебе привиделась, а? Какая рыжая? Да ещё и в поле, ну!

– Да я серьёзно! Ты чё гонишь?! Не веришь мне?! Это та самая возле посольства!

– Да мы и там её не видали…

– Да ну нахер… Зато Миха Соболь видал! Так что у него спросишь!

– Да ладно, чё ты… Набычился весь… Чё, красивая такая, да? – спрашивает Серёга, по-идиотски играя бровями. Бесит… Гондон усатый. И я ему ещё хотел Лильку доверить? Хрен ему в жопу. Извращенец грёбанный.

– Нормальная… При чём тут красота вообще? – хмурюсь я, и они тут же подхватывают. Потому что ежу или еноту понятно, что красивая… Другой я бы, наверное, и помогать не стал… Оставил бы с гнездом одну мучиться…

– О-о-о, на десяточку, похоже… Наша зарница вспыхнула, – тянет он, подмигивая остальным. Вот урыл бы, честное слово!

– Ой, всё, суки… – бросаю я и отворачиваюсь, чувствуя, как внутри что-то неприятно сжимается.

– Хоть телефон-то её взял?

– Ага, конечно! Позвонил ещё сразу! С автомата, бля!

Они гогочут в голос, кто-то хлопает меня по плечу, кто-то предлагает закурить. А мне их смех в уши бьёт, и хочется не то задушить их всех разом, не то просто уйти подальше и спрятаться после такого позора…

Но мысли всё равно возвращаются к ней. К этой шизанутой Карине.

Реально стоило взять телефон? И куда бы я его записал? Мой-то в машине валяется выключенный.

Зачем она вообще туда полезла? Краснокнижная куропатка, блин… В зоне учений! Да ещё и орёт на спецназовца, будто не понимая, что это я тут самый опасный в природе хищник с автоматом на перевес.

Вспоминаю её лицо – раскрасневшееся, решительное, с веснушками, разбросанными по носу. Зелёные глаза горят, руки трясутся от холода и страха, но она всё равно стоит над этим гнездом, как мать-героиня над младенцем. И кричит на меня. Меня! Бойца спецназа!

Ну точно ебанашка конченая…

– Андрюх, ты там не заснул? – дёргает меня за рукав Серёга. – Давай, очнись. У нас ещё три захода по схеме.

– Да, да, – трясу головой, прогоняя оттуда образ этой лесной нимфы. – Работаем.

Но где-то на краю сознания всё равно мелькает: «Интересно, куда она потом денет это самое гнездо? И уцелели ли

те яйца?...». А ведь совсем недавно меня волновали только мои…

Смотрю на мужиков, они продолжают коситься на меня и улыбаются, как придурки. Хочется обматерить трёхэтажным отборнейшим матом…

Но вслух я только бросаю:

– Мужики, хватит ржать. План на сегодня ещё не выполнен. По местам и за дело!

Серёга подмигивает мне, когда я достаю патроны.

– Ну-ну, командир-спаситель куропаток…

– Замолкни, а, – беззлобно огрызаюсь, но сам невольно улыбаюсь и думаю, как вообще удалось за один месяц встретить её дважды… Это совпадение или может, всё-таки судьба?

Прав был Серёга, конечно, когда предположил, что она красивая. Сегодня я ещё ближе её разглядел и, походу, поплыл. Впервые такую внешность вижу.

Кукольную. Милую до одури. Но при этом настолько долбанутую по образу жизни и поведению…

Интересно, откуда она такая? С причудами, как говорит моя мама, или с ебанцой, как говорит отец…

Глава 6.

Карина

Гнездо с яйцами куропатки я прижимаю к груди, как самое драгоценное, что у меня в принципе есть в жизни. Оно маленькое, хрупкое, а я – перепачканная грязью с головы до ног после приключений на поле.

«Куда же его теперь?» – думаю я, оглядываясь по сторонам.

Первым делом я решаюсь обратиться в местный музей природы.

«Там точно знают, что делать с краснокнижными птицами». Наверное…

Только вот музей так не думает. Он встречает меня тишиной и прохладой. За стойкой сидит пожилая женщина в очках, листает журнал. Я подхожу, стараясь не слишком пачкать стойку своей грязной курткой.

– Здравствуйте! – выпаливаю я. – У меня тут гнездо с яйцами серой куропатки. Краснокнижной! Нужно помочь их спасти…

Женщина медленно поднимает на меня глаза, поправляет свои очки:

– Что, простите?

– Гнездо! – я чуть ли не сую его ей под нос. – Я нашла его на поле, там были учения, стрельба, я еле успела спасти…

– Девушка, – перебивает она, скривившись. Кажется, от меня воняет, потому что она морщит нос и смотрит на меня, как на какашку на дороге. – Мы музей. Мы не занимаемся спасением птиц. Обратитесь в центр реабилитации диких животных.

– А где он? – растерянно спрашиваю я.

– В соседнем городе. Полтора часа езды…

Я чуть не вою. ПАМАГИТЕ. Полтора часа!? Да я и так еле на ногах стою. Я уже готова эти яйца сама высиживать, блин! Что за люди?!

Я выхожу из музея, смотрю на гнездо. Яйца лежат в нём, такие беззащитные. И мне так их жаль… Их мама куда-то делась. Может её повалили из тех же автоматов и не заметили… Может тот же спецназовец… Но я не хочу так думать, и отметаю от себя негативные мысли.

«Ладно, – думаю я. – Попробуем ещё».

Следующей остановкой становится зоопарк. Правда охранник на входе даже не собирается меня слушать.

– Никаких гнёзд, девушка. У нас свои птицы, свои правила. Идите отсюда.

Потом я иду в ветеринарную клинику. Там молодая врач смотрит на моё гнездо, покачав головой:

– Мы лечим животных, но не занимаемся гнездованием. Попробуйте позвонить в общество охраны природы.

Телефон общества охраны природы не отвечает. Я звонила уже раз пять – гудки, и всё.

Солнце уже клонится к закату. Я стою посреди города, вся в грязи, с гнездом в руках и чувствую, что вот-вот расплачусь. Но потом встряхиваюсь: «Карина, соберись! Ты уже спасла их один раз, спасёшь и сейчас».

И вдруг в голове неожиданно всплывает адрес, который мне когда-то давали: Центр реабилитации диких животных «Крылья». Не в соседнем городе, слава Богу, а здесь, на окраине.

Добираться правда приходится на такси – автобус туда не ходит. Я вызываю машину, сажусь на заднее сиденье, стараясь не касаться обивки грязной одеждой, но водитель всё равно смотрит на меня, как на какую-то бичиху…

– Куда едем? – спрашивает он, приподняв бровь.

– На улицу Лесную, в центр «Крылья», – отвечаю я.

– Далековато, – вздыхает он.

– Я заплачу, – тихо говорю я, проверяя баланс на карте, который показывает мне последние 750 рублей… Вот это житуха, конечно… На широкую ногу.

Водитель вдруг интересуется гнездом у меня на коленях:

– Это что, Ваш ужин?

Будто издевается.

– Нет! – возмущаюсь я. – Это яйца краснокнижной куропатки! Я их спасаю!

– Ну-ну, – хмыкает он и включает радио.

А я всю дорогу думаю о том спецназовце. Его голубые глаза, строгий голос, но в то же время то, как он аккуратно по-

мог мне выбраться с поля, как не разозлился всерьёз, хотя я ему, наверное, уже поперёк горла, никак не выходит у меня из головы.

«Спасибо тебе, – мысленно благодарю я. – Если бы не ты, я бы сейчас не спасала эти яйца, а лежала бы где-нибудь в канаве, наверное. Не факт, конечно… Но всякое может быть…».

Центр «Крылья» оказывается небольшим зданием с большим участком за ним. Меня встречает женщина в рабочем комбинезоне.

– Что у Вас? – спрашивает она, снимая перчатки.

– Гнездо серой куропатки, – выдыхаю я. Уже думаю, что если мне откажут – заберу его домой и реально буду сама их вынашивать с помощью Гигачата. – Я нашла его там, где шли учения. Там стреляли, понимаете?

Она осторожно берёт гнездо, осматривает…

– Да, действительно куропатка. Хорошо, что Вы принесли. Мы создадим для них оптимальные условия. Вы молодец. Спасибо.

Господи… Ну хоть кто-то меня за сегодня похвалил! Спасибо!

– Правда? – на глазах у меня выступают слёзы. – А они выживут?

– Постараемся сделать всё возможное. Спасибо Вам ещё раз.

Я выхожу из центра с лёгким сердцем. Грязная, уставшая,

но счастливая. Вызываю ещё одно такси – уже домой… Даже приходится расплатиться кредиткой, потому что денег больше нет.

Дома первым делом отправляюсь в душ. Смываю грязь, а перед глазами всё ещё он… Высокий, здоровенный и военный. Его взгляд, когда он тащил меня через поле, его фраза: «Да не трогаю я твои яйца, успокойся уже!». Я невольно хихикаю.

После душа надеваю любимую пижаму с ромашками, завариваю чай с мятой. Устраиваюсь на диване, подтянув колени к груди.

«Может, это знак? – думаю я. – Встретить его тогда, спасти гнездо… Может, всё не просто так? Он ведь уже второй раз мне помогает».

И тут звонит телефон. Номер незнакомый. Я даже вздрагиваю на месте… Потому что уже почти девять…

– Алло?

– Карина Эдуардовна? Извините за поздний звонок… Это отдел кадров банка «Фин-Капитал». Мы рассмотрели ваше резюме и готовы предложить Вам должность помощника операциониста…

– Что?! – я подскакиваю так резко, что чай выплескивается на диван.

– Вы приняты на работу, – повторяет голос. – Можете выходить завтра.

– Вы же… Вы же сказали… Мы Вам позвоним… – пе-

респрашиваю я, пытаясь осмыслить. Обычно ведь эта фраза значит «до свидания, чтобы мы Вас больше никогда тут не видели».

– Да, мы и позвонили… – говорит мужчина. – Тем более, что больше желающих не было. Ждём Вас завтра к девяти.

Я визжу от радости так, что, наверное, слышат соседи:

– Да! Да! Конечно, я выйду! Спасибо! Огромное спасибо!

– Э-э, – слегка тормозит собеседник. – Ну, хорошо. Ждём Вас завтра. Форма одежды – деловой дресс-код…

– Буду как штык! – кричу я и бросаю трубку.

Прыгаю по комнате, хлопаю в ладоши, смеюсь и чуть не плачу одновременно. Даже если меня взяли только потому, что больше кандидатов не нашлось – какая разница? Главное – работа есть! Да ещё и в банке – стабильная зарплата, соцпакет, перспективы…

«Это точно знак, – улыбаюсь я. – Всё сошлось в одной точке».

Я спасла куропаток, и вселенная отблагодарила меня за это! Ура!

Убираюсь в квартире, складываю вещи для завтрашнего дня: строгую юбку, блузку, туфли на небольшом каблуке. Ставлю будильник на семь. Нет! Два будильника! Я буду умнее!

Ложусь в постель, натягиваю одеяло до подбородка.

Закрываю глаза и улыбаюсь в темноту:

– Завтра новый день. И новая жизнь. Я буду работать в

банке! Кто бы мог подумать!

Засыпаю с этой мыслью, лёгкой, светлой, полной надежд. Завтра я выйду на работу. И кто знает, может, судьба ещё не раз сведёт меня с тем спецназовцем, если он тот самый... А пока пора спать. Завтра предстоит первый рабочий день, и я должна быть во всеоружии…

Глава 7.

Андрей

Очередной выходной наступает не так скоро, как бы хотелось… И опять – семейный сбор по поводу маминого Дня Рождения. Я натягиваю чистую футболку, смотрю на себя в зеркало и вздыхаю: «Ну, с Богом». Потому что каждая моя поездка к родным – тот ещё квест на выживание…

Дом родителей встречает меня запахом вкусной еды и громким писклявым голосом младшей сестры, которая помогала матери с самого утра хлопотать на кухне.

– Мам, а где кукуруза-то?! Ну как так можно!?

– Лиля, сколько раз тебе говорить – это классический рецепт! – парирует мама.

Я захожу на кухню, и меня тут же зажимают в объятиях.

– Андрюша, родной! – мама целует меня в щёку. – Какой ты у меня большой! Ой, Господи, будущая невеста твоя такая счастливая будет! На руках будешь носить!

– Ага, мам, точно, – улыбаюсь я, пытаясь вырваться из её цепких рук. – С Днём Варенья… У меня там подарок для тебя…

– Ой, спасибо, дорогой!

– О, здоровяк явился! – раздаётся голос сестры. – Игорь! Иди сюда, поздоровайся с Андреем!

Тот самый слащавый Игорь в какой-то хипстерской фут-

болке, которую я не смогу натянуть даже на одну свою ногу, протягивает мне свою ладонь. Я пожимаю её – нарочно чуть сильнее, чем нужно. Вижу, как его лицо краснеет, а пальцы белеют. Кажись, пацан сейчас потеряет сознание. Снова.

– Рад видеть, – выдавливает он.

– Взаимно, – киваю я, отпуская его руку.

За столом всё идёт по плану: мама накладывает мне тройную порцию всего, что только есть, сестра спорит с Игорем о том, какой сыр лучше подходит для пиццы, а папа тихо посмеивается, наблюдая за всем этим цирком и подливая себе коньячка. Вроде бы всё идет нормально, ну до определенного момента, о котором я заранее знал, разумеется, и которого я ждал с ужасом.

– Андрюююююш, – мама откладывает вилку и смотрит на меня проникновенно. – Тебе уже двадцать семь. Пора бы уже о семье подумать…

– Мам, я на работе и так семьёй окружён, – пытаюсь отшутиться я.

– Не увиливай! – она строго поднимает палец. – Вот у Лильки всё хорошо, а ты… Может, познакомишь нас с кем-нибудь?

– У меня нет никого, с кем бы я хотел вас знакомить, – отрезаю я.

– Ну так найди! – включается сестра и ржёт, пока я кошусь на неё. – Делов-то!

– И правда! Вон, у соседки дочка – умница, красавица, в

салоне работает…

Я чувствую, как закипаю. Вот сейчас она начнёт расписывать мне достоинства этой дочки – соседки, и я либо взорвусь, либо сбегу отсюда через окно. В принципе второй этаж. Не так уж травматично будет… Я и не с такой высоты на работе прыгаю…

И тут, сам не понимая зачем, я вдруг выпаливаю:

– В общем, я хотел сказать, чтобы вы не питали иллюзий. У меня уже есть девушка, просто я не хочу торопить события… Так что никаких соседок.

В гостиной вдруг наступает тишина. Абсолютная. Сестра замирает с вилкой на полпути ко рту. Мама открывает рот. Даже Игорь перестаёт жевать.

– Как… девушка? – переспрашивает мама.

– Так, молча, – киваю я, чувствуя, как внутри всё сжимается.

«Какого чёрта я это сказал?! – мелькает мысль. – Будет ещё хуже!».

– А кто она? – подаётся вперёд мама.

– Не важно, – отвечаю я, понимая, что загнал себя в угол.

– Как не важно?! Андрей… Ты нас познакомишь? – пристаёт мама.

– Нет, рано ещё знакомиться. Всё.

– А какая она? – прищуривается сестра. Вижу, что не верит. Пизда, а…

– Рыжая, – выпаливаю я первое, что приходит в голову.

– Рыжая?! – удивляется Лиля.

– А ты что хотела услышать? – огрызаюсь я в ответ, а она ржёт, толкая Игоря в бок, чтобы тот тоже посмеялся. Но, клянусь, если его губы хоть немного дрогнут, я сделаю его главным блюдом этого стола.

– Ну хотя бы, что она добрая, милая, красивая…?

– И это всё тоже… – поддакиваю я. – Но ещё рыжая.

– А как её зовут-то? – не унимается сестра.

– Карина, – говорю я и тут же жалею об этом.

«Карина? Почему именно она?! Почему ассоциативный ряд привёл к ней?!».

– Всё. Отстаньте от меня все, а! – повышаю голос я.

– Хорошо, хорошо… Такой нервный, сынок. Это всё твоя работа… – качает головой мама.

– Конечно, мама, как иначе… Это она, – киваю я, проглатывая реальные свои мысли. Хорошо, хоть отец не гнетёт меня с этими вопросами.

В комнате повисает неловкое молчание. Лиля переглядывается с Игорем, мама задумчиво крутит кольцо на пальце, а я чувствую, как краснею, словно варёный рак. Клянусь, если это продолжится, я поймаю белку и сойду с ума раньше нашего Майора-алкаша…

Батя с сочувствующим взглядом протягивает мне рюмку.

– Не, бать… За рулём…

Он кивает, опрокинув её сам, и закусывает сервелатом, а я всё думаю…

Зачем я это сказал? Карина… Да я её видел-то всего пару раз. И что теперь? Придётся выкручиваться, придумывать какую-то историю, что Карину унёс ветер в чистом поле. Или они ведь теперь не отстанут – будут расспрашивать, когда я её приведу, какая она, где познакомились и прочее дерьмо, ответов на которое у меня просто нет…

– Ну, раз есть девушка, значит, скоро и свадьба, – мечтательно произносит мама. – Будет тебе горячие пирожки на учения складывать… Она хоть готовит?

– Мам! – почти стону я. – Давай без этого.

– Что значит «без этого»? – возмущается она. – Я хочу внуков!

– Мам, мне двадцать семь, а не семьдесят. Дай пожить спокойно.

– Спокойно? – она всплескивает руками. – Ты на работе рискуешь жизнью, а о продолжении рода совсем не думаешь!

– Может, я не хочу продолжения рода, – бурчу я.

– Андрюш, ну что за глупости! – вступает Лиля. – Все хотят семью. Вон, Игорь говорит, что…

– Игорь, может, помолчит? – резко перебиваю я. Хотя Игорь и так молчит. Более того, смотрит на меня, как на варвара, боится даже дышать. – Без советов обойдёмся.

Игорь краснеет, Лиля хмурится, мама вздыхает.

– Ладно, – поднимаю руки я. – Давайте просто поужинаем нормально. Без сватовства, без прогнозов на свадьбу и без обсуждения моей личной жизни. Пожалуйста!

– Хорошо, – соглашается мама, но я вижу, что она уже строит какие-то планы.

– Но про Карину расскажешь потом, ладно?

– Посмотрим, – уклончиво отвечаю я.

Остаток вечера проходит чуть спокойнее. Мы едим, смеёмся над папиными шутками, Лиля с Игорем спорят о музыке, а я сижу и думаю, как было бы прекрасно, если бы всем разом стёрло память, нахрен… Но ведь они теперь не забудут… И, как показывает практика, так и есть…

Когда я выхожу из дома, уже темнеет, сестра идёт рядом со своим Игорюшей за руку.

– Ну что, братик, – раздаётся её голос позади на парковке. – Когда познакомишь нас со своей с Кариной?

– Лиль, отстань, – вздыхаю я. – Я же сказал – рано.

– Ой, да ладно! Просто признайся, что её не существует.

– Существует, – твёрдо отвечаю я. – Просто… не всё так просто.

– О-о-о, – тянет она. – Значит, всё-таки что-то есть. Ну, жди – я буду расспрашивать до победного!

– Удачи, – смеюсь я и сажусь в машину… Глядя на то, как её Игорь избегает моего взгляда. Ну такой дрищ, я ебал… Скоро ветер начнётся, им бы побыстрее до дома добраться, а то ведь его сдует, к чертям собачьим.

Завожу двигатель и уезжаю домой. Обратно в своё холостяцкое жилище и гордое мужское одиночество, потому что мне никто, нахрен, не нужен! И так неплохо кормят…

Глава 8.

Карина

Утро впервые начинается не с падения и даже не с того, что я проспала! А как у обычных людей! С кофе…

Я стою у зеркала и в последний раз одергиваю серую юбку с оборкой – та, как назло, снова чуть задралась. Чёрная водолазка сидит нормально, волосы собраны в аккуратный хвост. Вполне себе подходящий дресс-код для офиса.

«Всё, Карина, – говорю себе, – сегодня без проколов. Ты – серьёзный сотрудник банка. Возможно даже надолго, если не накосячишь».

Выхожу из дома, иду к остановке и мысленно повторяю: «Не путай терминалы. Не путай ключи. Не предлагай клиентам свои деньги в долг. И не зависай, думая о том голубоглазом засранце».

Он достал мне сниться… Уже не могу! Даже голос его запомнила! Ну что за издевательства такие?!

В банке всё идёт по плану: бейджик на груди, и менеджер – женщина сорока лет Ольга Петровна одобрительно кивает, глядя на меня.

– Карина, сегодня наблюдаешь, как Анжела принимает платежи и помогаешь с открытием счетов, – говорит она. – Всё чётко, без импровизаций.

– Да, конечно! – бодро отвечаю я. – Никаких импровиза-

ций. Буду запоминать…

В конце концов, я зря на экономиста училась, что ли?! Ну не зря же, да?

Сижу за стойкой, улыбаюсь той самой Анжеле и клиенту – пожилому мужчине с тростью. Он улыбается в ответ:

– Ну что, значит ты – банкир в процессе становления?

– В процессе, – смеюсь я. – Уже почти не путаю кнопки.

– Главное – не теряй этой искры, – подмигивает он и протягивает нам шоколадку. – За внимательность.

Я тут же тянусь взять её, а Анжела шлёпает меня по руке и смотрит искоса.

– У нас не принято. Заберите, пожалуйста…

– Девушка, да я же от всего сердца…

– Да, я понимаю. Но только нас за это оштрафуют.

– Ох, ну раз всё так серьёзно, – забирает он её обратно. – Хорошего дня…

Он уходит, а я смотрю на него с грустью, пока Анжела что-то добивает в систему… Мне бы лучше обучаться. А я теперь думаю о том, как давно не ела шоколада. А хочется… Сгонять на обеде, что ли? Хотя бы для поднятия настроения!

За работой время летит быстро. Я тоже вбиваю данные, сверяю суммы, улыбаюсь клиентам. И вдруг в банк заходит парень...

Ощущение, что он, но не он. Я же вижу, что не он, а всё равно таращусь на него, как ненормальная…

– Девушка, Вы меня слышите? – голос клиента возвраща-

ет меня в реальность.

– А? Да-да, конечно! – я резко выпрямляюсь. – Простите, я просто… проверяла баланс в голове.

Клиент удивлённо поднимает брови, но улыбается:

– О, это полезно. Я тоже иногда так делаю и потом удивляюсь, почему денег на счету не хватает…

Мы смеёмся, я оформляю платёж, а сама думаю: «Ну вот опять! Карина, соберись. Ты на работе! И тебя снова могут уволить за то, что ты любишь поболтать и пошутить с клиентами».

После смены иду домой, вдыхая свежий вечерний воздух. В голове – цифры, графики, инструкции Ольги Петровны, но где-то на краю сознания всё равно маячит образ того спецназовца.

«Наверное, у него очень сложная работа, – размышляю я. – Наверное, он постоянно занят. Спасает кого-то… Вот бы увидеть его снова…».

Подхожу к своему дому и вдруг слышу:

– Мяу! Мяяяу! Мяу!

Задираю голову – на дереве, метрах в двух с половиной над землёй, сидит крошечный рыжий котёнок. Жмётся к ветке, дрожит и жалобно мяукает. У меня сердце кровью сразу же обливается.

– Ой, малыш, – шепчу я. – Как ты туда забрался?

Оглядываюсь – никого. Прям пустая улица. Как вымерли все, если честно… Значит, спасать мне! Я же здесь не просто

так шла!

Тащу к дереву старый ящик, который валялся возле урны, ставлю под веткой, встаю на него и тяну руки к котёнку:

– Ну-ну, не бойся. Я тебя не обижу. Давай, ко мне!

Котёнок пугается, перелезает ещё выше.

– Ну куда же ты!? Дурачок маленький! – вздыхаю я. – Ладно, попробуем ещё раз.

Снова встаю на ящик, тянусь… и в этот момент он предательски хрустит под ногой.

– Ай! – я теряю равновесие, но перед тем, как шмякнуться, успеваю схватить котёнка. Падаю на землю, ушибаю локоть, царапаю руку о ветку, а ещё, кажется, ударяю глаз, точнее прямо под ним. Надеюсь, завтра не останется фофана…

Но котёнок в моих руках, тёплый и дрожащий, и самое главное, живой!

– Фуууух, – выдыхаю я, сажусь на траву и прижимаю его к груди. – Ну и приключения, да? Зато теперь ты в безопасности… Где же твоя мама? Ээээх…

Он тихо мурлычет, тычется носом в мою ладонь. Голодный, судя по всему… Маленький… Проверяю под хвостом – мальчик.

– Радость, – вдруг решаю я. – Буду звать тебя Радость. Потому что ты – моя радость, хоть я чуть и не сломала из-за тебя шею…

Несу его домой, осторожно вытираю грязь с пушистой шерстки, обрабатываю свои царапины, наливаю ему молока

и даю сметаны – всё, что у меня есть. Вспоминаю, что хозяйка квартиры строго-настрого запретила мне животных. Иначе вышвырнет и меня тоже… Нужно придумать куда его девать на время проверки счётчиков.

«Ладно, – думаю. – Будем действовать тайно. Радость, ты будешь самым тихим котом на свете! Во всяком случае, пока я ищу тебе новых хозяев».

Расслабляюсь на диване, укутываюсь пледом, Радость устраивается у меня на коленях. А я глажу его и шепчу:

– Знаешь, а ведь всё это не просто так. Сначала он, потом ты… Может, это знаки? Может, в жизни всё взаимосвязано?

Радость мурлычет в ответ, потягивается и устраивается поудобнее. Я улыбаюсь, глажу его мягкую шёрстку и снова думаю о нём.

«Интересно, – мечтаю я. – А если бы он увидел меня сейчас? С поцарапанной рукой, синяком под глазом и рыжим комочком на коленях… Наверное, опять бы сказал что-то обидное про мой героизм… И рассмеялся бы, словно я реальная неудачница». Да и пофиг!

Мне кажется, я всё равно ему понравилась. Но он, скорее всего, женат… Все красивые, сильные мужчины обычно женаты. Вокруг меня так… А я с женатиками дел не имею.

Закрываю глаза. Думаю о завтрашнем дне. Так и не купила себе шоколадку, ээээх…

– Всё будет хорошо, – шепчу я и чувствую, как сон накрывает меня с головой, пока мой новый друг мурлычет всё ти-

ше и тише, пригревая меня своим пушистым тельцем…

Глава 9.

Андрей

Две недели… Две чёртовы недели мама и Лиля терзают меня вопросами про Карину. Честно, у меня уже едет крыша… Я не справляюсь, потому что если от пуль есть бронежилет, то от их внимания ничего уже не поможет…

– Андрюш, а вы уже куда-то ходили вместе? – в который раз спрашивает мама за совместным ужином.

– Мам, мы просто… общаемся, – устало повторяю я. Уже влез в эту паутину, и никуда не деться, потому что если сказать, что соврал, то там такое начнётся… Они мне до конца дней моих припоминать будут и даже тогда это вряд ли закончится… Погибнуть на задании станет самым лёгким вариантом для меня в данном случае. Только так дочка соседки до меня не доберется.

– Общаетесь, – фыркает Лиля. – И как это выглядит? «Привет, Карина»? «Привет, Андрей»? И всё? Тогда с чего ты взял, что она твоя девушка, а, братик?

– Лиль, отстань, – бурчу я. – У нас всё нормально. Просто не надо каждую деталь на всеобщее обозрение выставлять.

– Ну хоть фото покажи! – не унимается сестра.

– Нет у меня фото, – отрезаю я. – Всё, тема закрыта.

Они переглядываются, мама вздыхает, Лиля качает головой, но на время они обе затихают. Я выдыхаю – хоть неболь-

шая передышка.

Но не тут-то было.

Телефон вибрирует в кармане. Смотрю – служебный вызов. Бросаю маме:

– Извини, мам, работа.

Выхожу в коридор, принимаю звонок. Голос командира звучит резко, без предисловий:

– Андрей, сбор через десять минут. Нападение на банк со всеми вытекающими. Заложники. Грабители забаррикадировались внутри. Ведутся переговоры. Штурмовая группа должна быть на готове.

– Понял, выезжаю, – отвечаю я, уже натягивая куртку.

– Что случилось? – выглядывает Лиля из-за стены.

– Работа, – коротко бросаю я. – Нападение на банк.

– О, Боже! – ахает мама, появляясь в дверях. – Будь осторожен! Сынок!

Вот сколько бы времени ни прошло, я для мамы до сих пор сыночка-корзиночка… А мне же двадцать семь. Я, блин, мужик шире отца в два раза, выше в три, наверное. Но у них одно понятие, если у меня нет своих детей, значит, я ещё сам ребёнок… Вот и требуют от меня потомство… А куда мне? Детей же воспитывать надо… Когда мне это делать? Убаюкивать в перерывах, заменяя калаш сопящим кулёчком?

– Всё будет нормально, – киваю я и выхожу из квартиры.

Через двадцать минут мы с группой уже на месте. Вокруг банка – оцепление, мигалки полицейских машин, толпа зе-

вак за ограждениями, журналисты с камерами. Полицейские переговариваются по рациям, снайперы занимают позиции на крышах соседних зданий.

Подбегаю к командиру. Он хмуро кивает, докладывая нам обстановку.

– Грабителей четверо. Вооружены, судя по всему, автоматами. Забаррикадировали главный вход, взяли заложников – по предварительным данным, около пятнадцати человек. Требуют вертолёт на крыше соседнего бизнес-центра.

– Вертолёт? – хочется заржать. – Хрен им в рыло, а не вертолёт.

– Вот и я так думаю, – усмехается командир. – Но переговоры идут. Пока тянем время.

Пока мы с парнями обсуждаем заварушку, нам докладывают детали: заложники – сотрудники банка и несколько клиентов, грабители явно не дилетанты: знают планировку, выбрали момент, когда в банке было много людей, баррикады из мебели и сейфов – обычный вход не вариант, есть запасной выход, но он тоже заблокирован изнутри, предположительно, один из грабителей – бывший сотрудник банка: знает коды и расположение камер.

Мы быстро обсуждаем план. Штурм будет через чёрный ход – узкий коридор, ведущий в подсобные помещения. Оттуда – в основной зал. Это единственный вариант: остальные пути перекрыты. Мы уже привыкли работать в таких условиях. И не из такого дерьма выбирались, поэтому пока всё

звучит довольно-таки мило.

– Работаем парами, – командует командир. – Первая двойка выбивает дверь, вторая прикрывает. Третья – на готове. Двигаемся быстро, без задержек. Огонь на поражение только если угрожает опасность. Вопросы?

Вопросов нет. Все кивают, проверяют снаряжение.

– По моей команде, – бросает командир.

Я затягиваю ремешок шлема, проверяю автомат. В голове ни одной посторонней мысли. Только план, тактика, последовательность действий. Сейчас нет местаэмоциям. И я даже рад, что вырвался сюда из цепких лап своей семьи. Голова отдыхает.

Сигнал. Мы выдвигаемся.

Чёрный ход – старая дверь с металлической решёткой. Один из бойцов ставит заряд. Вспышка, грохот, дверь слетает с петель. Мы врываемся внутрь.

– Всем лежать! Работает СОБР! – ору я, влетая в помещение.

Буквально сразу же идентифицирую пространство. Столы опрокинуты, стёкла разбиты, повсюду бумаги. Заложники на полу, прижаты к стенам. Грабители у стойки операционистов, держат оружие наготове.

Мы рассредоточиваемся, берём нападающих на прицел. Перестрелка начинается почти сразу. Грохот выстрелов, крики, дым.

Один из наших снимает стрелка у окна – тот падает, вы-

ронив автомат. Мы продвигаемся вглубь, прикрываясь перегородками и опрокинутыми стойками.

Я обхожу угол, пригибаясь, держу прицел… И вдруг…

Среди заложников, прижатых к полу у дальней стены, я замечаю уж до боли знакомый силуэт в голубом платье.

Она лежит на полу, сжавшись, обхватила голову руками, прячет лицо в локонах своей рыжей гривы. Рядом – опрокинутый стул, на полу – рассыпанные бумаги, будто она пыталась спрятаться за стойкой, но её оттуда выдернули….

На секунду я замираю. Мозг отказывается верить. Ну не могло же вот так, блядь, снова повезти, а!? Нет, могло! Потому что на этот раз это сто процентов она! Зарёванная… Ещё и фингал под глазом какого-то чёрта! Как же её жопа обожает неприятности! В ушах ещё гудит от выстрелов, в лёгких – запах пороха и пыли, а перед глазами – она. Здесь! В самом эпицентре штурма!

Да вы, блядь, издеваетесь…

Глава 10.

Карина

Утро начинается, как обычно, с будильника, который я трижды откладываю, и с Радости, который лежит у меня на груди и настойчиво отправляет меня обратно в сон. Может, если котик на тебе, то всё же можно не идти на работу? Ну или хотя бы опоздать? Нет, Карина… Пора вставать. Иначе тебя опять уволят.

– Давай, пушистая жопа… Вставай, пошли завтракать, – бормочу я, с трудом разлепляя глаза.

Сегодня особенный день: у Ольги Петровны, моей наставницы, День Рождения. Весь отдел решил после обеда устроить небольшой праздник – торт, чай, может, даже шампанское, не знаю. Поэтому я надела своё самое красивое голубое платье с рюшами – оно хоть и не совсем «банковское», но Ольга Петровна вчера подмигнула: «Карина, завтра можно будет чуть-чуть выйти за рамки дресс-кода». Я обрадовалась. Люблю неформальный стиль и общение тоже.

По дороге в банк я улыбаюсь. Две недели работы позади и знаете что? Я почти не путаю терминалы! Я уже знаю, где лежат бланки на открытие счёта, где хранятся ключи от сейфа, и даже научилась не трястись и не ронять папки с документами при виде начальства. А дома меня ждёт рыжий комочек счастья – Радость, который уже успел испортить обои,

но зато научился ходить в лоток, слава Богу, а-то первое время оставлял лужи и кучи прямо под дверью. А ещё я купила ему когтеточку – пусть точит когти там, а не об стену. Иначе это слишком дорого мне обойдётся…

Сначала на работе всё идёт гладко: клиенты, платежи, улыбки, «добрый день, чем могу помочь?». К обеду мы украшаем уголок для чаепития воздушными шариками, Ольга Петровна краснеет от комплиментов, а я думаю: «Ну вот, Карина, ты почти вписалась. Ты почти взрослый ответственный сотрудник. И у тебя тёплые отношения со всеми здесь».

И тут – БАМ!!!

Громкий хлопок у входа. Все вздрагивают. Кто-то роняет чашку с чаем – та разбивается, по полу растекается коричневая лужица. Только всё внимание у меня приковано не к ней, а к людям в чёрных масках.

– Всем на пол! – орёт грубый голос. – Живо!

Четверо с автоматами влетают в наше помещение как к себе домой, и у меня останавливается сердце. Один пинает дверь, второй швыряет на стойку какой-то мешок, третий размахивает оружием и орёт:

– На пол, я сказал! Все! Иначе сдохнете!

Мир будто переворачивается. Кто-то вскрикивает, кто-то ползёт под стол, Ольга Петровна хватается за сердце. Я застываю на секунду, потом падаю на колени, прижимаюсь к полу.

«Какого чёрта?! У нас тут День Рождения, торт, веселье!

Мы хотели шампанское! А теперь… теперь я лежу на холодном полу в своём красивом голубом платье, которое, кажется, уже успела порвать!».

Грабители бегают по залу, опрокидывают стойки, швыряют папки с документами. Один пинает стул – тот с грохотом летит в сторону. Как пугающий манёвр работает очень даже неплохо. Я в ужасе…

– Деньги! Быстро! – орёт, видимо, главарь. – Открывайте сейфы!

А я лежу и думаю, как это нелепо. Вот я – Карина Романова, 21-летняя сотрудница банка, в голубом платье с рюшами, не девственница, конечно, но за хороший опыт вряд ли можно счесть одного единственного партнёра, который был у меня сто лет назад по юности. У меня ни любви, ни нормальных отношений, родственники живут в деревне, очень далеко отсюда, мама, к сожалению, умерла, а отца я вообще не знала, и я, возможно, сейчас тоже умру… Офигенно!

Дома меня при этом ждёт только котёнок. Он будет сидеть у двери и мяукать в предвкушении, когда я приду. Царапать когтеточку, которую я ему купила. А меня не будет. Вообще… Я никогда не вернусь и единственный кто обо мне вспомнит это хозяйка квартиры, которая обнаружит, что я вовремя не внесла плату за аренду. А потом ещё и обматерит за животное в квартире. Хотя чего это я? О покойниках либо хорошо, либо никак!

«За что?! – мечусь в мыслях. – Я же даже пожить тол-

ком не успела! Не съездила на море, не научилась танцевать сальсу, не прочитала все книги из списка 100 маст рид, не… не увидела его снова!». Почему мелькает мысль о нём, я не знаю. Но мне бы хотелось встретить его ещё раз. Хотя бы раз. Пусть на одну только секундочку.

Я осторожно приподнимаю голову, стараясь не привлекать внимания. Грабители суетятся: один проверяет камеры, второй ходит вдоль заложников и пинает опрокинутые стулья, будто запугивая, третий и четвёртый о чём-то переговариваются с главарём.

– Говори давай пароль, тварь! – неожиданно звучит в адрес нашего коллеги Паши. Он весь дрожит, блин, как осиновый лист на ветру.

– Сейфы не открываются без Ольги Петровны, – говорит он в ответ. Вот засранец!

– Кого?! – рычит главарь в ответ.

– Менеджер отделения! Она единственный человек с кодом доступа.

– И где она?! – орёт он, встряхнув его, и он тут же указывает на неё взглядом.

– Тащите её сюда, – приказывает главарь своим.

Двое бандитов хватают Ольгу Петровну за руки и рывком поднимают с пола. Она бледнеет, хватается за грудь.

– Не драматизируй, – рявкает один, глядя на её реакцию, а она уже обмякла.

И я не выдерживаю. Приподнимаю голову от пола.

– Не трогайте её, пожалуйста! – выкрикиваю я, поднимаясь на колени. – У неё сердце больное, она может…

– А ты самая умная, да? – скалится один из грабителей, перебивая меня.

– Слабоумие или отвага? – ржёт второй и уже хватает меня под локоть. – Иди, открывай. Раз уж такая борзая!

Меня подталкивают к сейфам. Боже, я реально дура… Все затолкали языки в жопу, будто чужие люди, а мне вот надо больше всех! Руки дрожат, пальцы скользят по панели. Я вспоминаю, как Ольга Петровна показывала мне код на прошлой неделе – «запомни, Карина, мало ли что». Вот оно «мало ли». Надеюсь, я поступаю правильно. Ввожу цифры – мимо. Второй раз – опять мимо…

– Да ты чё тупишь, дура?!

– Извините… – пищу, пытаясь вспомнить. Не могу сосредоточиться. Всё плывёт перед глазами, но с третьего раза слышу щелчок. Дверь сейфа в зале медленно открывается.

Ольга Петровна смотрит на меня с пола – в её глазах благодарность и страх одновременно.

А один из грабителей толкает меня обратно на пол:

– Всё, лежи, рыжая. Не двигайся.

Я подползаю к Ольге Петровне, беру её за руку.

– Не плачьте, – шепчу я. – Дышите… Глубоко, медленно. Всё будет хорошо. Нас обязательно освободят. Слышите? Обязательно.

– Спасибо, Карина.

– Тихо там! – рявкает главарь, услышав нас.

Ольга Петровна кивает мне, пытается улыбнуться. Я сжимаю её руку крепче. В груди плещется странный коктейль из страха, отчаяния и какой-то нелепой надежды на спасение. Я, может, и невезучая, но столько раз выбиралась из передряг… И сейчас выберусь! Никуда не денусь!

Где-то вдалеке слышится вой сирен. Грабители переглядываются. Один подходит к окну, выглядывает.

– Чёрт, полиция, – бормочет он.

Главарь матерится, отдаёт какие-то распоряжения. Напряжение в зале растёт.

Я чувствую, что Ольга Петровна вся трясётся. Пытаюсь её успокоить и себя тоже. А-то ведь ощущение, что сердце из груди вот-вот вылетит.

Не знаю, сколько мы так лежим, но я наблюдаю за ними. За тем, как они толкают деньги в огромные чёрные сумки. Переговариваются, что-то планируют. Считают нас. Даже общаются с полицией через телефон.

А потом вдруг неожиданно для нас всех раздаётся грохот, и задняя дверь слетает с петель.

– Всем лежать! Работает СОБР! – раздаётся громкий, властный и знакомый голос.

Меня будто током прошибает.

Это… это что он? Тот самый парень? Не может быть. Но… вдруг? Голос-то его! Я уже везде его узнаю. Господи, это он! Молодец, Карина! Просила Вселенную его увидеть

снова, вот тебе, пожалуйста! Получите, распишитесь!

И тут начинают стрелять… Мы все орём, визжим. Я уже мысленно думаю о том, как пуля случайно попадает в меня и расползается кровавым пятном по моему голубому платью… Жмурюсь в ужасе. Но потом вдруг выстрелы прекращаются.

Я осторожно приподнимаю голову. В проёме – бойцы в тактическом снаряжении. Один из них делает шаг вперёд… и наши взгляды встречаются.

Блин, это точно он. Смотрит прямо на меня – строго, сосредоточенно, но в глазах мелькает тревога. Он тоже меня узнал, да? Хотя как бы он меня не узнал!? Я-то в отличие от него не в маске!

Сердце колотится так, что, кажется, я сейчас умру. Платье порвано, волосы спутаны, в глазах слёзы, но внутри вдруг появляется странное спокойствие.

«Если он здесь, – думаю я. – Значит, всё будет хорошо. Он меня спасёт. Обязательно. Уже ведь дважды спасал. Значит, прорвёмся!».

Только не успеваю я додумать, как вдруг один из бандитов резко подбегает ко мне. Его глаза за маской сверкают злобой. Он за секунду хватает меня за волосы до искр из глаз, будто собирается снять мне скальп. Мало мне травм, конечно! Спасибо, Господи! Я вскрикиваю, а он встаёт вместе со мной, прикрывшись моим телом. Передо мной пятеро бойцов в чёрных костюмах, стоят по бокам, нацелившись авто-

матами в нашу сторону…

– Ещё одно движение и я прострелю ей башку! Назад! – хрипло орёт он, дёргая меня за собой. – Идём! Пойдёшь со мной!

Он тащит меня в сторону хранилища, пока я пытаюсь найти взглядом те самые голубые глаза, чтобы убедить себя в последний раз, что я останусь жива! Но это не точно…

Глава 11.

Андрей

– Блядь! – выдыхаю я, прижимаясь к опрокинутой стойке. Сердце работает на максималках. Выжимает из меня последнее, что есть. Ранее меня так ни одна ситуация не мотала, если честно. Какой-то долбанутый личный интерес. И сразу же все кишки тебе скручивает намертво. Ты тупо не знаешь, что делать. – Что там? – наклоняюсь к одной из заложниц, которая лежит, закрыв голову руками и спрашиваю про коридор, куда один из них ведёт моего припизднутого Рыжика.

– Хранилище… – шепчет она, глаза огромные, полные ужаса. – Там большая комната справа крайняя. Наверное, туда… Или в кухню…

Я киваю, будто это всё объясняет, хотя ничего не объясняет. Просто теперь у меня есть примерное направление.

Перекатываюсь за угол, прижимаюсь к стене, быстро переговариваюсь по рации, пока на фоне раздаются выстрелы. Осталось двое. Один уже взят, второй – ликвидирован.

– У меня цель – коридор к хранилищу. Там заложница и ещё плюс один. Иду на перехват. Прикройте.

– Прикрываем, – коротко отвечает Серёга.

Под прикрытием напарников – короткие очереди, вспышки выстрелов, я бегу по коридору, перепрыгивая через обломки мебели.

Но не успеваю свернуть за угол, как из хранилища доносятся крики. Её пронзительный, обнажает меня до костей, и я уже хочу кинуться туда без раздумий, но резкий голос того мудака прерывает мой настрой.

– Ещё шаг, и я ей голову прострелю! Понял?!

Карина визжит – звук такой, что по коже бегут мурашки. Не от страха даже, а от того, как он режет по живому. Вот хули делать?! Поэтому и нельзя ходить на задания, когда есть конфликт интересов.

Я замираю у двери, прикидываю варианты. Их нет. Только один – действовать. Потому что вход только здесь. И если я буду тупить – он её тупо пристрелит.

– Отпусти её, – говорю я за стеной, голос ровный, хотя внутри всё кипит. – Ты отсюда всё равно не выйдешь. Положи оружие.

– Я сказал – отошли отсюда все! На «раз, два» я стреляю.

С-с-сука… У меня один единственный путь. И не такое практиковали.

Рывок двери, и я падаю.

Грудой ложусь плечом и локтем на пол, ловлю Карину в фокус. Его ствол у её головы. Она зажмурилась, дрожит, губы шевелятся, будто мысленно прощаются с жизнью.

Она резко открывает глаза, видит меня, но я уже не думаю, ведь времени доли секунды. И пока он опускает свой автомат ниже, чтобы поймать меня…

Я пускаю короткий прицельный ему прямо в лоб.

Карина визжит, когда на неё попадает кровь – брызги, капли, всё происходит так быстро, что она и сообразить сначала не успевает. Она отшатывается, когда он падает на колени мёртвым грузом, спотыкается, закрывает лицо руками. И рыдает в истерике.

– Тихо, – я подлетаю к ней, хватаю за плечи, но она дёргается, будто я тоже один из этих. – Всё, всё, он мёртв! Ты цела! Слышишь?!

Она поднимает на меня глаза – мокрые, испуганные, и вдруг бросается ко мне, вцепляется в бронежилет, прижимается так, что я чувствую, как дрожит каждое её ребро.

– Ты его убил… Убил?!

Я обхватываю её, притягиваю к себе, и в этот момент, среди пороховой гари, крови и хаоса, от неё пахнет чем-то безумно волшебным – ванилью, шампунем, самой жизнью. Какой-то нелепой, хрупкой, но настоящей жизнью.

– Всё, ты цела, – повторяю я, прижимая её к себе, чувствуя, как её пальцы впиваются в ткань. – Сиди здесь, не двигайся.

Пытаюсь скинуть её с себя, ведь ещё приходится контролировать дверь. Всё моё внимание сейчас там. Но она прям как панда. Зацепилась всеми конечностями и не планирует отпускать.

– Нет, нет, я боюсь! – она трясёт головой, прижимается ещё крепче. – Пожалуйста, не уходи, прошу тебя, умоляю!

– У меня там напарники, – пытаюсь я говорить спокойно,

хотя сам чувствую, как адреналин ударяет в кровь. – Я не могу здесь торчать, понимаешь? Там бой идёт.

Ставлю её на ноги наконец.

– Тогда я с тобой! – она вцепляется в рукав, будто если отпустит – мир рухнет. Глаза огромные, зелёные. Просто два блюдца. – Пожалуйста! Я не останусь одна!

Я на секунду закрываю глаза. «Да что ж такое-то, Карина…».

– Блин… – вздыхаю я. – Есть тут коморка или туалет?

– Ты что, писать хочешь? – всхлипывает она, и в этом всхлипе вдруг мелькает что-то такое смешное. Ну и дурочка, а.

Я невольно усмехаюсь – хоть на секунду, хоть на миг, но напряжение спадает. Хотя мне оно и не надо. Хотя бы держит в тонусе. Заставляет быть собранным и быстрым.

– Да, хочу, – киваю я. – И ты со мной. Показывай, где.

Она кивает, вытирает слёзы рукавом, оглядывается.

– Там… в конце коридора… дверь…

– Отлично, ложись и ползи.

– Что?

– То! Ползи рядом! – я дёргаю её за руку вниз и придавливаю башку к полу.

Мы ползком, прижавшись, добираемся до того самого туалета. Я отрываю её от пола в безопасной зоне. Первым влетаю внутрь, проверяю кабинки, заглядываю под двери, осматриваю потолок – нет ли тут камер. Чисто.

Завожу её в кабинку, закрываю дверь. Она прижимается к стене, дышит часто, будто вот-вот задохнётся.

– Слушай, – говорю я, снимая перчатку и протягивая ей свой пистолет. – Возьми. На всякий случай. Если кто войдёт – стреляй. Не думай. Просто стреляй.

– Я не умею… – шепчет она.

– Сейчас не время учиться. Просто держи. И сиди тихо. Когда будет эвакуация – я тебя найду.

– Как тебя зовут?! – вдруг выкрикивает она, хватая меня за руку. – Господи, скажи мне! Скажи своё имя!

– Андрей, – отвечаю я.

– Андрей… – повторяет она, будто пробуя имя на вкус. – Не уходи…

– Должен, – говорю я жёстко, но стараюсь, чтобы в голосе не было злости. – Держись. Я вернусь.

Выхожу из кабинки, прикрываю дверь, на секунду замираю, прислушиваясь. Звуки стрельбы продолжаются…

– Зарница, как обстановка?

– Минус один, возвращаюсь.

– Принял, попробуй обойти сзади.

Я тут же забегаю с другой стороны. Он лупит с двух автоматов, поэтому они не могут проскочить. Буквально секунда, и я слышу резкий голос Серёги.

– С-с-сука…

Оглушенный его матом, сразу снимаю четвёртого сзади в затылок. Звуки выстрелов мгновенно прекращаются, и я тут

же бегу к Серому вместе с остальными ребятами.

Он лежит у стойки, держится за ту же самую ранее уже подбитую ногу, из-под пальцев течёт кровь. Эх невовремя Лилька его снова отбрила, и он отказался от отпуска… Такой нервоз, блин. Волей судьбы в самое пекло, как всегда…

– Ты как, братан? – подбегаю к нему, падаю на колено.

– Бывало и лучше… – хрипло усмехается он, держась за ногу. – Зацепило просто… Как чувствовал, бля… Именно в неё…

– Лежи, а… – я быстро осматриваю рану, понимаю, что нужно срочно останавливать кровь. – Жора, это Зарница, территория зачищена. Один раненый, требуется медик. Повторяю…

Где-то вдалеке уже слышны сирены, крики команд, топот ботинок. Полиция, скорая, медики – все движутся к нам.

Я оглядываюсь, вспоминая, что у меня там одна неуравновешенная особа в туалете…

Пробираюсь обратно, под общую суету влетаю внутрь, пока не слишком поздно, распахиваю дверцу кабинки, а там, блядь, пусто!!!

На секунду я замираю, не веря своим глазам.

Малюсенькое окно во двор приоткрыто. За ним – палисадник, кусты, тень, в которой можно спрятаться, чтобы пробежать к соседнему зданию…

Как она вообще сюда пролезла-то?!

Выглядываю. Никого… Только ветер шевелит ветки, и

где-то вдалеке мяукает какой-то грёбанный кот… И я понимаю, что моё табельное осталось у неё…

С-с-сука…

Глава 12.

Карина

Окно туалета оказалось предательски узким… Я в него не влезала – я в него протискивалась, как сарделька, которую кто-то очень настойчиво пытается запихнуть в слишком маленькую булочку для хот-дога. Сначала плечи, потом бедро, потом я услышала, как с треском рвётся подол платья – того самого голубого, в котором я так гордилась собой ещё утром. Это уже была вторая дырка… Но главное, что не кровавая…

Хотя у меня всё равно мелькнуло в голове, пока я висела наполовину в окне, наполовину в туалете, что у меня даже умереть красиво не получается… Вот это я лохушка! Но в конце концов мне всё-таки удалось вылезти…

Снаружи пахло мокрой землёй и сиренью – странно, что в такой момент я вообще что-то для себя подмечала, ведь находилась на грани. Можно сказать, балансировала между потерей сознания и остановкой сердца. Палисадник был густой, кусты царапали кожу, ветки цеплялись за волосы, будто пытались удержать меня там и добить окончательно. Я ползла, спотыкалась, падала, снова вставала. В голове билась только одна мысль, поскорее бы убежать отсюда и спрятаться дома… Под одеялом. Это всё о чём я думала. И ещё о том, что я жива!!! Я жива и на улице! Подальше от тех гадов в масках!

Здание банка было окружено – мигалки, оцепление, люди в форме, камеры. Я обогнула квартал, пробралась через дворы, где бабушки выгуливали собак, а дети играли в догонялки, и вышла с другой стороны, будто просто шла по своим делам. Будто не было ни штурма, ни криков, ни крови на моих рыжих волосах. Хорошо, что у меня с собой была моя небольшая сумочка через плечо, иначе я бы даже домой не смогла попасть! Но мне хватило мозгов схватить её, когда начался весь этот кошмар. Правда сейчас она казалась мне такой тяжёлой, что оттягивала мою шею вниз, словно я сложила туда несколько кирпичей…

До дома я добиралась вечность. Каждый шорох казался мне топотом чужих ног, каждый взгляд прохожего – подозрением. В автобус садиться боялась. Шла пешком… И вот наконец ступила на порог своего подъезда и поднялась на свой этаж…

В квартире было тихо. Слишком тихо. Радость встретил меня у двери, когда я осела на пуфик, прыгнул на ноги, замурлыкал, будто ничего не случилось. А я сидела, дрожала всем телом и не могла даже погладить его – руки тряслись так, что я боялась ему навредить…

– Ужас… – прошептала я, уткнувшись спиной в стену. – Твоя дурная хозяйка опять попала в историю…

Я кое-как стянула порванное платье, чуть не запуталась в нём, потому что руки не слушались, потом побежала мыться… Увидела в зеркале чужую кровь и меня чуть не вытош-

нило прямо в ванную. Фу…

Я, наверное, час мылась…

Затем вышла, надела старый свитер, который пах домом и спокойствием, и села на диван, прижав колени к груди. Радость запрыгнул ко мне, уткнулся носом в шею. Его мурчание было единственным звуком, который сейчас меня не пугал.

Но потом зазвонил телефон. Я подпрыгнула, чуть не выронив бедного котёнка. На экране высветилось «Ольга Петровна», и я подумала… Боже, как же хорошо. Она жива… Но для начала решила убедиться, что это точно она, услышав первые слова…

– Карина? – в трубке раздался её голос. Тихий, дрожащий, но такой до боли знакомый. – Это я… Ты… ты в порядке?

– Да… – выдохнула я. – Да, я дома. А Вы?

– Меня уже отпустили, – сказала она. – Я в порядке, сердце… в норме. Спасибо тебе, Карина. Если бы не ты… я бы не справилась.

– Да ладно, – пробормотала я, чувствуя, как к горлу подступает ком. – Это Вы меня столькому научили, я не могла просто промолчать…

– И ещё… – голос Ольги Петровны стал тише. – Тут спрашивали про тебя. Один… из тех, кто нас спасал…

«Андрей», – подумала я. И тут же вспомнила про… ПИСТОЛЕТ!

Вот чёрт! Он же был у меня в сумке! Теперь я смотрела

на неё, как на контрабанду! Я ещё и через весь город с ним шла! Сказочная идиотка!

– Спасибо, – прошептала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Спасибо, Ольга Петровна… За беспокойство обо мне… Завтра приду на работу, как обычно…

– Там завтра как таковой работы не будет, только разбор доку…

Я положила трубку, не дав ей договорить и бросив телефон на стол, и уставилась на него, как на вырванную из гранаты чеку… В ужасе!

«Я украла пистолет у спецназовца», – пронеслось в голове и на коже тотчас же выступили колючие мурашки.

«Нет, не украла. Мне его дали. Но я его не вернула. Я сбежала с ним, как наглая воришка!».

Остаток дня я провела, пытаясь не сойти с ума. Гладила Радость, заваривала чай, который тут же остывал, ходила из угла в угол и косилась на свою сумку, которая, казалось, уже сама приняла форму этого пистолета. Каждый раз, когда за стеной хлопала дверь, я вздрагивала и думала: «Всё. Сейчас придут. Меня схватят, повяжут и отшлёпают по заднице». Но кажется, что шлёпанье далеко не всё, чем бы они ограничились… Иначе бы мне могло понравиться…

Чёрт, о чём я вообще думаю?!

Ночь была бесконечной. Я лежала, смотрела в потолок и считала трещины, будто они могли отвлечь меня от мыслей. «Может, просто пойти в полицию? Сказать, что я случайно

забрала пистолет, вот он, возьмите, он мне не нужен?». Но тут же представляла, как на меня смотрят, как записывают показания, как сажают в камеру, надев на руки наручники… И я остаюсь там навсегда за решёткой!!! Вот это мне точно понравиться не могло…

Нет… Ни за что!

Я вообще больше не хотела идти в это проклятое место…

И уснула кое-как, пытаясь думать о хорошем…

***

Но наступает утро… И я всё-таки иду на работу. Не потому что хочу – могла бы и фиг забить и вообще уволиться с такими-то «приключениями», но мои ноги сами несут меня туда… Потому что я до смерти боюсь оставаться одна в четырёх стенах… А ещё боюсь, что если не приду, это может вызвать ненужные подозрения… Пистолет с собой, конечно же, не беру… Мало ли что…

Когда подъезжаю к зданию, оно выглядит жалко. Двери покосились, стёкла разбиты, повсюду осколки, бумаги, перевёрнутая мебель. Какие-то люди ходят по залу, что-то записывают, фотографируют. Тут ещё и полиция снова. Сотрудники банка стоят кучками, тихо переговариваются, а некоторые до сих пор плачут… Кажется, тот самый Паша, столь пофигистично отнёсшийся к Ольге Петровне – женщине вдвое старше себя, тоже ревёт… Капец, блин…

– Вот она… – тычут на меня пальцем, заставляя сердце сжаться в груди.

Боже, Боже… Теперь полиция идёт прямо на меня?! Что делать?! Бросать в них дырокол и бежать?! Нет, не вариант… Карина, просто жди… Дыши… Может это не то, что ты думаешь?

– Вы же Романова Карина Эдуардовна?

– Д-д-да…

– Мы зададим Вам несколько вопросом о вчерашнем?

– Да, конечно…

Господи, они заметили, что я сбежала или нет???

Вроде бы, пока меня допрашивают, ничего такого не всплывает. Просто записывают, что было с моих слов.

– А потом началась эвакуация… И всё…

– Понятно… Если что Вас вызовут или позвонят…

– Если что… Что?

Она переглядываются… Я странно спросила, да? Ну да, наверное…

– Ну если ещё что-то всплывет…

Я киваю, сглатывая ком, а они уходят… Фуууф…

Иду к своему столу – он был перевёрнут, но его уже поставили… Я сажусь за него, будто так и надо. Будто я просто пришла на смену, а не после того, как меня таскали за волосы и тыкали пистолетом в висок.

Ко мне подходит та самая коллега Анжела, которая мне всё показывала… Смотрит на меня внимательно:

– Ты как?

– Жива, – улыбаюсь я криво. – И это уже хорошо…

– Поможешь?

– Конечно…

Мы начинаем разбирать завалы. Складываем бумаги, убираем осколки, пытаемся вернуть хоть какое-то подобие порядка. Время идёт, и постепенно я начинаю успокаиваться. Может, всё обойдётся? Может, он уже и забыть забыл про это? И вовсе на меня не сердится?

И тут я вижу его…

У входа, но не в форме, не в бронежилете, не с автоматом… В простых джинсах, футболке, которая плотно облегает его широченные плечи и руки – такие, что я невольно сглатываю. Ими, кажется, можно убить даже без усилия. Он наконец без маски, без шлема – просто мужчина. Высокий, крепкий, с голубыми глазами, которые, кажется, видят меня насквозь… На вид ему лет тридцать… Двадцать пять, если сбрить всю его колючесть на лице…

Андрей…

Я тут же залезаю под стол, сделав вид, что меня здесь нет. Может, он просто осмотрится и уйдет???

Господи, как же страшно…

Я сижу там и выжидаю, а потом выглядываю, чтобы посмотреть, здесь ли он до сих пор, и наши взгляды снова встречаются. Он замечает меня издалека, чуть приподнимает бровь, будто говоря: «Ну, здравствуй, дура». И идёт вплотную ко мне…

Боже, мне конец...

Сердце колотится так, что, наверное, его слышат все в радиусе десяти метров. Я вцепляюсь пальцами в край стола, будто он может меня спасти.

Он подходит, садится напротив, откидывается на спинку стула и скрещивает руки на груди. Смотрит мне прямо в глаза и спокойно, без упрёков говорит:

– Кажется, ты должна мне одну мою вещь…

У меня мурашки бегут по спине от его вкусного голоса…

Глава 13.

Андрей

Я стою у входа в этот проклятый банк, и мне кажется, что на меня смотрит половина города. Ну, ладно, не половина – человек пять в форме, три сотрудника банка и одна старушка с собачкой, которая почему-то решила, что именно сегодня ей жизненно необходимо пройти через оцеплённую зону со своей ебанутой лающей на всех чихуахуашкой. Но ощущение такое, будто на мне нарисована мишень.

А всё из-за неё… Повезло, что Серёга дежурил в тот день. И поскольку он ранен, я с ним махнулся дежурством, чтобы не сдавать табельное. Единственный вариант. Иначе бы уже подвели хуй к носу. Так и представляю этот наитупейший диалог…

– Андрей, где ствол?

– Да я его девчонке в кабинке туалета отдал, она с ним в окно вылезла.

– Ясно, пиши рапорт задним числом или это статья.

Так что я здесь… С самого раннего утра приехал, топчусь у разбитой двери, делаю вид, что просто мимо проходил. На мне джинсы, футболка – я не по форме, зато по ситуации. Надо забрать пистолет. Тихо, мирно, без лишней суеты… И ехать к другу в больницу, потому что надо проведать. И вообще надо бы Лильке рассказать о случившемся. Уверен, она

не останется равнодушной… Если даже не кинется к Сержу с объятиями, то хоть у Игорька зад малёха подгорит, надеюсь. Ибо он меня буквально раздражает одним своим существованием. Но сейчас мне не до этого… Ещё столько всего собирать придётся, чтобы по 108 не загреметь. Но мы привыкшие. У нас так из раза в раз. Хорошо, что командир всегда наперед думает… Однако моя задача сейчас – срочно вернуть табельное.

Внутри здания разруха. Мебель перевёрнута, стёкла в крошку, бумаги по всему полу, будто кто-то устроил здесь конкурс «Кто больше листов раскидает». Вчера я как-то этого не заметил. То ли занят был, то ли они тут уже после всего вечеринку устроили… Сотрудники банка ходят как привидения – бледные, с кружками кофе, смотрят на всё это и вздыхают. Понимаю их. Сам бы вздохнул, если бы не был занят более важным делом…

Ищу Рыжика... Прохожу между столами, киваю полицейским, делаю вид, что у меня тут срочное дело. И вдруг вижу: она. Сидит за своим столом, пытается собрать какие-то папки, руки дрожат, глаза бегают. А потом, заметив меня, резко ныряет под стол. Буквально. Как будто там можно спрятаться. И вообще какого хрена она прячется, блин?! Дура, что ли? Хотя чё я спрашиваю… У неё явно головка бобо…

«Да ты издеваешься», – думаю я, подходя ближе. Наклоняюсь, заглядываю под столешницу. Она там сжалась в комочек, смотрит на меня снизу вверх, как щенок, которого

застали за поеданием хозяйских тапочек.

Я отодвигаю стул и сажусь напротив, скрестив руки на груди.

– Кажется, ты должна мне одну мою вещь…, – говорю я спокойно, хотя внутри всё кипит.

Она моргает. Тут же подрывается и бьётся башкой об стол с таким смачным звуком, что все вокруг дёргаются от испуга. Даже я подпрыгиваю. Пиздец…

– Аааааай…

– Да ёпту, аккуратнее…

– Какую ещё вещь?! – шепчет, будто реально забыла или уже продала мой ствол на чёрном рынке. Господи, молю, пусть она не выбросила его по дороге или не потеряла! Это будет лютый трэш просто. Она же не совсем конченая, да?

Вылазит из-под стола и поправляет свою гриву. Волосы у неё, конечно, роскошные. Прям нереально. Но сама их хозяйка просто ходячая неприятность…

– Карина, – предупреждающе говорю я. – Не испытывайте моё терпение.

– А я и не испытываю… – ещё тише. – Вы про пистолет?

– Тихо ты! – шиплю я, оглядываясь. – Тут, блин, половина отдела! Не надо на весь зал объявлять!

– Ой, извините… – она встаёт из-за стола, отряхивает колени. А я таращусь на её ноги, которые сегодня все залеплены пластырями от и до. Ощущение, что она по битому стеклу на них ходила. Хотя, походу, так и было… Живого места нет.

– Так и? – спрашиваю я, стараясь не повышать голос. – Где он?

– У меня его нет с собой… – она смотрит на меня, как на строгого учителя, который требует домашнее задание, которое «съела собака», и садится обратно.

– А где он?! – не выдерживаю я.

– В моей квартире, конечно… – пожимает плечами, будто это самое логичное место на свете и у неё там даже сейф имеется…

– Конечно, – фыркаю я, стараясь не рассмеяться. – Само собой разумеющееся. Ты зачем оттуда вообще сбежала?!

– Мы на «ты» или на «вы»? – вдруг спрашивает она, хмурясь. – Я запуталась!

– Какая, нафиг, разница?! – машу рукой. – Сейчас не до этикета.

– Я испугалась, что меня убьют! – выпаливает она, и в её голосе столько искренности, что я невольно смягчаюсь. Помню же в каком она тогда была состоянии… Она там, наверное, имя своё забыла, что уж говорить про пистолет…

И тут я не выдерживаю смеюсь. Просто не могу сдержаться.

– Логично, – киваю, потираю ладонью уставшую от бессонницы морду. – Хоть чего-то ты боишься, оказывается. Но он мне нужен назад. Срочно.

– Я сейчас не могу, у меня работа, – вздыхает она, оглядываясь на коллег. – Ольга Петровна в шоке, ей нужна под-

держка…

Она чё реально стебётся? Понимает хоть насколько важно спецназовцу возвращать обратно всё оружие или нет? Совсем, что ли? Андрей, ты реально придурок. Нафига ты его вообще ей дал? Она ж неуравновешенная… Полная неадекваша.

– Не умрёт твоя Ольга Петровна, – отрезаю я. – Собирайся. Поедем к тебе.

– Что?! Нет! Ни за что! – она аж подпрыгивает.

– Это ещё почему?

– Потому что… у меня ремонт! – дробит она, краснея, будто только что сочинила, если честно. – Обои отодраны, коробки по углам… Я не могу тебя туда пустить! Везде краска…

Я смотрю на неё и снова едва сдерживаю смех. Эта девчонка, которая вылезла из окна туалета с пистолетом, боится показать мне свою квартиру. А самое прикольное, что я туда и не собирался заходить… Она чё всерьёз думала, что я там обыск устраивать планирую?

– М-м-м… Ну я и не планировал как бы заходить, – пожимаю плечами. – Вернёшь мою вещь, и я поеду.

– Я не могу отпроситься! – чуть не плачет она. – Ольга Петровна…

– Всё, хватит, – обрываю я. – Никаких «Ольг Петровн». Пять минут. Жду на выходе. Не выйдешь – вынесу силой.

Разворачиваюсь и иду к выходу, чувствуя, как её взгляд

буравит мне спину. Знаю, что она сейчас там стоит, кусает губы, думает что-то вроде: «Да как он смеет?!» и что-нибудь из Конституции РФ, как обычно. Но у меня нет выбора. Пистолет – это серьёзно. И если единственный способ вернуть его – угрозы, что ж… Так и быть.

Выхожу на улицу, вдыхаю свежий воздух. Вокруг до сих пор суета. Носятся там с телефонами, бланками, собирают показания. А я стою и жду возле машины, раскачиваясь на месте…

Через три минуты она появляется. Расчесала волосы, даже губы подкрасила, но глаза испуганные и решительные.

– Ну что, поехали? – спрашиваю я, достав ключи от машины из кармана. Она смотрит на мой внедорожник с какой-то опаской и тревогой.

– Поехали, – вздыхает она. – Но если ты вывезешь меня за город, чтобы угрожать и пытать…

– Так… Стоп, стоп, ты чё там удумала? Фильмов пересмотрела? – усмехаюсь я. – Мне нужен только пистолет… И всё.

Мы садимся в машину. Она правда туда кое-как забирается, а затем вцепляется в ремень безопасности, будто в оберег от неудач, хотя он вряд ли ей поможет с таким-то «везением» по жизни. Я завожу двигатель, трогаюсь с места и встречаюсь с её зелёными глазами. Ну, красивая. Очень… Даже не на десять, на одиннадцать. И тем не менее, я не могу отвлекаться на это…

– Что? – спрашиваю, нахмурившись.

– Ничего… Спасибо… – шепчет она, отвернувшись к окну.

– За что…? – спрашиваю я, и она тут же вновь бросает на меня свой острый взгляд. Сглатывает.

– За то, что… В очередной раз спас мне жизнь… Андрей…

Ну вот, даже имя моё запомнила, оказывается…

Глава 14.

Андрей

Да мне её «спасибо» как бы и не нужны были… По одному месту. Я не для того старался. У меня есть принцип, как и у всех моих братьев – защищать. И мы всегда ему придерживаемся… Не важно какая она там, красивая или некрасивая, импонирует или бьёт тебя при задании, главное, что она в первую очередь живой человек – мирный гражданский. Но я, конечно, не могу притворяться, что она меня не привлекает… Это была бы гнусная ложь…

Я паркую машину у её подъезда и на миг замираю, будто пытаюсь выжать из этой тишины хоть каплю покоя. Как будто если посижу ещё немного, то всё встанет на свои места: пистолет сам вернётся ко мне за пазуху, а эта девушка больше не станет трепать мои нервы, и я спокойненько поеду домой, заварю крепкий кофе и сделаю вид, что сегодня был обычный день. Обычный день, ага. Как же…

Карина сидит рядом, странно на меня смотрит, будто я не спецназовец, а какой-то редкий экспонат в музее типа её той самой краснокнижной куропатки. Спросить у неё, что стало с теми яйцами или не надо? Вдруг она их съела вообще…

– Чего? – не выдерживаю я, чуть приподнимая бровь.

– Да ничего… – бормочет она, теребя край платья. – Просто… Слушай, а ты можешь подняться со мной?

Я усмехаюсь, хотя внутри всё напряжено. Не от её страхов – от того, как они на меня действуют. Хочется её защитить, даже от её собственных нервов. Уж не знаю, чего она так забоялась… Но глаза огромные.

– Ты же не хотела приглашать. У тебя срач… – напоминаю я, стараясь говорить как можно мягче, чтобы не задеть.

– Нет никакого срача, блин! – вспыхивает она, и в этом вспыхивании столько ярости, что я невольно улыбаюсь. – Просто ремонт! Ну, просто… возле двери постой. Я очень боюсь нести его в своих руках. Он такой тяжёлый, и… мне кажется, если я его уроню, он взорвётся. Или привлечёт всех бандитов района. Или просто… я не знаю. Мне страшно.

Мне хочется заржать. То есть, тащить его через весь город она, блядь, не боялась. Зато сейчас просто спустить с этажа – настоящая паника на «Титанике».

Но вот это «пожалуйста» ломает всю мою броню. Я киваю. Ок… Но не могу не озвучить свои подозрения.

– Ладно, не вопрос. Если для тебя убегать с ним по всему городу – это норм. А спустить вниз – проблема, то…

Она кривит губы, будто хочет сказать что-то колкое, но в последний момент передумывает.

– Пошли, в общем, – бурчит она и выскакивает из машины, будто если задержится ещё хоть мгновение, я передумаю. Должен признать, для такой маленькой девчонки она довольно ловко выбирается из моей высокой малышки. А-то вот Жорина супруга всё время отказывается со мной ехать, если

вдруг что… Якобы у меня не машина, а корабль. Да норм аппарат. Удобно во всяком случае…

Мы заходим в подъезд. Тут пахнет старой краской, чем-то затхлым и… странно, но я вдруг ловлю запах её волос. Тот самый, что уже вдыхал. Будто запомнил… И мне этот запах нравится. Очень. Настолько, что на какое-то время я забываю, зачем мы здесь. Пока поднимаемся, убеждаю себя всеми правдами и неправдами не смотреть на её бампер, но не могу отказать себе в удовольствии. Главное, слюной здесь всё не закапать. Офигенная задница, я скажу…

Возле двери она замирает, достаёт ключи, пальцы дрожат. Я стою рядом, стараюсь выглядеть спокойным, будто каждый день сопровождаю девушек до квартиры после перестрелок. Н-н-нет. Для меня вот это, скорее, максимальный шок, нежели быть на задании. Она проскальзывает в квартиру, закрывает за собой дверь прямо перед моим носом, не впустив меня внутрь, и я усмехаюсь…

Стою тут как додик малолетний, мысленно ковыряю дырки от покорябанной штукатурки.

И тут слышу её визг. Нарастающий, как рёв разбуженного зверя. Я тут же бросаюсь туда и прямо на выходе вижу открытую дверь в ванную… А там…

Вода.

Не просто вода – водопад. Фонтан. Стихийное бедствие в миниатюре! Херачит во все стороны, в основном – в Карину.

Я влетаю внутрь, вижу эту водную катастрофу, и на долю

мгновения теряюсь. Карина стоит посреди этого хаоса, мокрая с головы до ног, волосы прилипли к лицу, глаза огромные, как у испуганного котёнка. Вода бьёт из крана, разлетается брызгами, заливает всё вокруг. И меня теперь, кстати, тоже! А она мешает мне перекрыть её.

– А-а-а! Помогите! По-мо-ги-теееее! – визжит в истерике. Ещё не хватало, чтоб соседи подумали, что её тут насилуют.

– Отойди, блин, дура! – рявкаю я, сам не понимая, откуда берётся эта злость – не на неё, а на ситуацию, на беспомощность, на то, что каждый раз рядом с ней происходит какая-то хуйня!

– Сам отойди! – наезжает она в ответ, и в этом визге столько обиды, что мне сразу становится стыдно. Обычно я на девушек не ругаюсь. Даже на таких как она… Но, блядь!

– Не дёргай его так!

– Я не дёргаю! Это ты дёргаешь!

Я бросаюсь к крану, пытаюсь его закрыть, но он будто издевается – крутится, но не закрывается. Вода летит во все стороны, заливает нас обоих. Футболка прилипает к телу, джинсы уже наполовину мокрые, а я всё равно пытаюсь что-то сделать. И только потом методом судорожного тыка нахожу стояк и перекрываю его. Вытираю рожу от воды…

А она бросает на пол все тряпки, что имеются в арсенале…

– Какого хрена, Карина?! – ору я, перекрикивая остаточный шум воды. – Я тебя за чем отправил?! Ты нафига мыть-

ся пошла?!

– Я не ходила мыться! – вопит она, и я вижу, как по её щекам текут не только капли воды, но и слёзы. – Я услышала звук из крана, подошла… А он как начал брызгать во все стороны!

– Конечно, ага… И ты ничего не трогала! – не верю я, хотя уже понимаю, что она говорит правду. Просто ей не повезло. Как обычно…

– Не трогала! Не ори на меня! – кричит она, и в этот момент я вдруг осознаю: она не просто напугана. Она в панике. Для неё это не просто сломанный кран, а нечто пострашнее…

– Блядь… – выдыхаю я, оглядываясь, будто ищу, чем бы это остановить. – Вот как теперь ехать, а?! Дай полотенце!

Она кидается к полотенцесушителю, хватает первое попавшееся – розовое с каким-то медвежонком. Протягивает мне, дрожащими руками.

– На… – бормочет, опуская глаза.

Я кошусь на эту махру, и на краткий миг мне хочется рассмеяться, настолько это нелепо: я, мокрый до нитки, стою в её ванной, а мне дают полотенце с медвежонком. Но смеяться нельзя – ситуация и так из ряда вон. Она сейчас расплачется…

– У меня другого нет, – бормочет она, будто оправдываясь.

Я вздыхаю, беру то, что дают, пытаюсь вытереться, но оно

такое маленькое, что только подчёркивает абсурдность ситуации. Карина опускается на бортик ванной, дрожащая, мокрая, и смотрит на этот хаос, будто ждёт, что он сам собой рассосётся.

– Что теперь делать? – шепчет она. – Сантехника вызывать?

– У тебя что, парня нет починить? – бурчу я, оглядывая ванную два на два. Капец, тут не развернуться нормально. Особенно такому, как я… Сам не знаю, зачем это говорю – наверное, чтобы хоть как-то снять напряжение.

– Нет. З-з-зачем мне парень… – не теряется она, и в этой фразе столько упрямства, что я невольно улыбаюсь. Рад ли этой новости? Наверное… Вот дебил, Андрюха… Ей бы и сто парней не хватило, чтобы разгрести всё, что она за собой учиняет… Куда ты лезешь?!

– Хотя бы для таких вот случаев… – качаю я головой, глядя на кран, как на личного врага. Он уже залупился на меня – выбора нет. Придётся разбираться самостоятельно. Пытаюсь убедить себя, что она здесь ни при чем… А ещё не смотреть на неё мокрую и такую беззащитную, потому что у неё под тканью платья соски торчат, а мне бы… В общем, мне бы сейчас не взорваться из-за этого. У меня секса дохуиллион лет не было. Я вообще себя не контролирую. – Беда… Посиди здесь. До машины сгоняю. Посмотрим, что можно сделать…

Выхожу из квартиры, хлопаю дверью, спускаюсь по лест-

нице, чувствуя, как вода стекает по спине и как кровь медленно успокаивается, а то ведь был в трёх секундах оттого, чтобы встать… Надеюсь, она переоденется хотя бы... Надеюсь, ей хватит мозгов на это…

В машине достаю набор инструментов – тот самый, который всегда вожу с собой на всякий случай. Гаечные ключи, отвёртки, изолента – стандартный набор мужчины, который привык, что жизнь постоянно подкидывает сюрпризы и которого постоянно дёргает младшая сестра… А тут ещё вторая рыжая неприятность… Вот же наградил Бог спутницей, а...

Нет, всё-таки грех жаловаться, фигурка у неё что надо, конечно, но мне теперь надо как-то выдержать этот ремонт рядом с ней, чтобы моя дурная голова не натворила дел, прежде чем верхняя сообразит, как вести себя дальше…

Глава 15.

Карина

«Блин, дурацкий кран!» – мысленно воплю я, стоя посреди ванной и чувствуя, как ледяная вода стекает по спине, затекает в рукава, капает с носа. Я вся мокрая, будто меня только что выловили из бассейна, да ещё и не очень чистого. И он… он тоже мокрый. Футболка прилипла к его огромному раскаченному телу, а взгляд такой, будто он сейчас на меня накинется, ну или будто он готов не просто починить этот проклятый кран, а разобрать всю квартиру по трубам и собрать заново – лишь бы всё работало нормально.

А потом он разворачивается и уходит. Кажется, за инструментами… А я смотрю на свою грудь. Боже, Карина… Ты вот так перед ним была, да?! Вот с такими торчащими пиками?! Госсподи!

Я тут же срываюсь с места, выбегаю из ванной, проскальзываю по мокрому полу, чудом не падаю и мчусь к себе в комнату. Мне нужно срочно переодеться. Хоть что-то в этом дне должно стать нормальным!

В шкафу нахожу свою любимую пижаму – ту самую, мягкую, уютную, с ромашками. Еле-еле стаскиваю с себя мокрое платье, потому что оно прилипает к телу, как вторая кожа. Туда же направляется и нижнее бельё. Натягиваю сухое и штанишки с футболкой дрожащими руками, чувствуя, как

ткань приятно скользит по коже, впитывая остатки влаги. В пижамке я сразу становлюсь чуть спокойнее, будто эти ромашки – маленькие обереги от всех бед. Хотя они, конечно, нифига не работают, как надо…

Выхожу в коридор. Андрей как раз возвращается с небольшим чемоданчиком инструментов в руке. Открывает его, достаёт какие-то железки, гаечные ключи, что-то ещё, чего я и названия не знаю. Вот это мужчина, конечно… Не просто слово, не просто картинка из фильма – настоящий. С большой буквы «М». Спокойный, уверенный, знает, что делает. Даже с мокрыми волосами и в прилипшей футболке он выглядит так, будто может справиться с чем угодно. С бандитами, с прорванным краном, с концом света – без разницы.

Он поднимает глаза, видит меня в пижаме и усмехается. Не зло, не насмешливо, а так… тепло, будто ему правда смешно, оттого, как я выгляжу, но он не хочет меня обидеть. Да и я вдобавок пялюсь на него, как ненормальная… Ну, Карина!

– Давай я высушу твою одежду, – предлагаю я, кивая на его футболку и джинсы. Ну как иначе? Хоть чем-то я должна ему помочь, да же? Сама-то переоделась… Хотя мне нечего ему предложить взамен… Кроме того розового полотенчика, но оно вряд ли хоть что-то прикроет…

Он моргает, не сразу понимая.

– Ага, – отвечает, пытаясь сохранить серьёзное лицо. –

Мне раздеться?

Он косится на меня, будто проверяет, пошутила я или нет. Хотела бы я чтобы он разделся? Фиг знает… Я его и без того боюсь… Он такой огромный и высоченный, что я на его фоне, как рыжий карлик… или гном.

– Ну… если хочешь, – пожимаю плечами, и в моём голосе столько невозмутимости, что я чуть не смеюсь. Или не плачу. Или не делаю что-то среднее. Просто если он начнёт раздеваться, то…

– Верх сниму, низ оставлю, – выпаливает он, стараясь говорить как можно небрежнее, будто для него это обычное дело – обсуждать степень своей наготы с едва знакомой девушкой в её квартире…

– Ну давай верх хотя бы. Я повешу на улице, чтобы высохло… У меня там сушилка…

Он чуть приподнимает бровь, но не спорит. Только кивает, будто принимает мои условия этого странного договора. А потом, не глядя, стягивает с себя мокрую футболку – одним резким движением, словно бы сбрасывает с плеч весь этот день. И вот тут у меня внутри всё замирает.

Потому что под футболкой – не просто тело. Это груда мышц, рельеф, сила, собранная в одном человеке. Терминатор чёртов! Я сглатываю, чувствуя, как в комнате будто становится на десять градусов жарче. И это не из-за отопления. Это из-за него. Боже, горю…

– На, – говорит он, протягивая мне свою футболку. –

Только закрепи чем-нибудь. – подсказывает сипло.

– Угу… Да, – киваю я, хватая её, на месте разворачиваюсь и тут врезаюсь лбом прямо в дверной косяк.

«Блииин!» – мысленно ору я, зажмуриваясь от боли и стыда. Это не просто больно – это унизительно. Это как будто вселенная решила: «Карина, ты и так слишком много сегодня пережила, давай добавим ещё немного позора для баланса. Второй раз втемяшилась при нём! Да что ж то такое-то, а! Сейчас он скажет, что мне нужен поводырь!».

Но он даже сказать ничего не успевает. Просто смотрит на меня секунду и начинает смеяться. Не громко, не издевательски, а так, от души… И я не могу на него злиться. Потому что он смеётся не надо мной, скорее всего, – он смеётся над всей этой нелепой ситуацией, в которой мы оказались. Да же?

– Какой позор, а! – стону я, прикрывая лоб рукой.

– Ты неподражаема…

Ещё и издевается! Качает головой, всё ещё улыбаясь, и опускается на колени перед трубой, начинает что-то мазать, обкручивать, закручивать. Я вылетаю на балкончик, вешаю его футболку на сушилку, смотрю, как она свисает, большая, тёплая, и чувствую, как внутри что-то сжимается. Она такая большая, что и крепить не надо. Никуда не денется под тяжестью собственного веса…

Я склоняюсь над ней и нюхаю… М-м-м… Бооооожеее… Не спрашивайте, почему я нюхаю футболку незнакомого мне

мужика. Всё равно вряд ли поймёте меня… Но точно поняли бы, если бы оказались на моём месте и видели это тело…

Пока он не спалил меня за столь стыдливым и странным занятием, я возвращаюсь в коридор. Он как раз заканчивает, встаёт, вытирает руки о тряпку, которую достал из своего чемоданчика.

– Как лоб? – спрашивает вдруг, глядя на меня с такой заботой, что у меня сердце делает сальто. – Сильно ударилась?

– Ну так… – пожимаю плечами, стараясь казаться спокойной. – Похоже, след останется…

– Смотри в оба глаза, – советует он с сарказмом.

– Спасибо, блин, за совет! – фыркаю я, но улыбаюсь. Потому что не могу не улыбаться.

– Всегда пожалуйста, – пожимает он плечами. – Готово.

Он снова открывает стояк, включает воду. Сначала я жду катастрофы – что сейчас снова начнётся этот водяной ад. Но нет. Вода течёт спокойно, ровно, без фонтанов и брызг. Просто вода. Как и должно быть.

– О, Боже, ты мой спаситель! – выдыхаю я, закрывая глаза и чувствуя, как напряжение, копившееся весь день, наконец-то отпускает.

– Ага, я помню, – усмехается он, собирая инструменты обратно в чемоданчик. – Ты уже говорила.

– Давай я тебя хоть чаем напою, Андрей, – предлагаю я, потому что не знаю, что ещё сделать. Хочется как-то отблагодарить его, пусть даже просто чашкой чая. Он только со-

бирается мне ответить, глядя своими голубыми глазами…

И тут, откуда ни возьмись, раздаётся знакомое «мяу». Радость выходит из комнаты, потягивается, зевает, будто ничего не произошло, и направляется прямиком к Андрею. Под ноги. Нюхать его и точить когти о его джинсы…

– О… Э-э-э! – теряется Андрей, глядя на рыжего котёнка, который так похож на меня цветом шерсти, что это почти смешно. – У вас тут коалиция? Отстань от меня… – отталкивает его ногой.

– Не поняла… – хмурюсь я.

– Ну, полчище рыжих бандитов, – поясняет он, чуть наклоняя голову. – Надеюсь, тараканов у тебя здесь нет?

– Что?! Фу! Нет у меня тараканов! – возмущаюсь я, чувствуя, как во мне закипает праведный гнев. – И не будет тебе никакого чая!

– Хах… Ну я не особо и хотел, по правде говоря, – пожимает он плечами, будто его это вообще не волнует. – Плюс кошек я терпеть не могу.

Что?! Что значит «терпеть не могу»?! Это же Радость! Мой маленький, пушистый, самый лучший котёнок на свете!

Я вспыхиваю, подхожу к нему ближе, смотрю прямо в глаза и чувствую, как во мне просыпается защитница. Всего мира сразу!

– Бессердечный! – выпаливаю я, тыча пальцем ему в грудь. Ощущая жар его кожи, но не теряюсь, а продолжаю нападать, ибо эго задето! – Холодный, жестокий вояка!

– Да не такой уж я и жестокий, раз постоянно спасаю твою задницу!

– А моя задница тебя вообще не касается! Понятно?!

– Понятно, ну и держи её тогда подальше от меня!

– И буду держать! Не тебе же её доверять, в конце концов! Да я бы тебе даже котёнка не доверила, не то, что свою задницу! И вообще уходи давай отсюда! Тебе здесь не рады!

Он замирает. Секунду мы смотрим друг на друга – я с обидой и гневом, он с удивлением и… чем-то ещё. Чем-то, что заставляет моё сердце биться быстрее.

Я, кажется, в край охренела, сказав ему это, да?

Но потом вдруг всё меняется. Как будто кто-то щёлкнул выключателем, и воздух между нами наэлектризовался. Мы тянемся друг к другу, как под статическим электричеством, когда два предмета, долго тершиеся друг о друга, вдруг притягиваются с такой силой, что сопротивляться бесполезно… Правда мы с ним ещё друг об друга не тёрлись, но… Чувствую всё впереди…

Я бы хотела, наверное… Но даже обдумать это толком не успеваю, как вдруг он обхватывает мою рыжую голову, притягивает меня к своему голому горячему торсу, и его колючие губы находят мои в этой маленькой ванной комнатке два на два… Помогите! Мне нечем дышать…

Глава 16.

Карина

Он целуется так, что душит меня. Не нежно, не бережно – будто хочет поглотить целиком, стереть границы между нами, смешать моё дыхание со своим, расплющить меня в конце концов! Я пытаюсь как-то подстроиться, ползти выше по его голому горячему телу, дотянуться до шеи, обнять, сделать этот поцелуй хоть чуточку человечнее, ласковее, но он, как каменная скала, о которую меня бьёт порывами ветра. Я и так вся в синяках, а тут ещё он… Рывком придавливает меня к холодному кафелю стены, и я чувствую, как твёрдые плитки врезаются в лопатки, а его тело – горячее, тяжёлое, неукротимое прижимает меня намертво.

Он не целуется – он жрёт. Впивается в мои губы снова и снова, кусает, тянет, царапает своей щетиной, и эта боль смешивается с чем-то диким, первобытным, от чего внутри всё сжимается не только от страха, но и от чего-то ещё – от этой самой необузданности, от которой хочется одновременно кричать «стоп» и «продолжай»… Но выдаю я ещё более странное…

– М-м-м… – пищу жалобно прямо ему в рот, сама не понимая, что это – протест или признание? Не знаю, сколько длится эта экзекуция… Секунды? Минуты? Вечность? Время рассыпается на отдельные ощущения: шершавость его ко-

жи, запах металла и улицы, вкус его губ… Странно солёный, но при этом настолько умопомрачительный.

Сколько бы я ни пыталась сделать поцелуи нежнее, у меня не выходит. Более того – его руки так сжимают мою задницу, что я даже возмутиться не могу. Пальцы впиваются в ткань пижамы, в кожу, держат крепко, будто боятся, что я исчезну, растворюсь в воздухе или взбунтуюсь, если хоть на миллиметр отодвинусь. Но когда мне кажется, что он уже перешёл черту, паника накатывает горячей волной. Шок. Я вдруг понимаю, что не контролирую ничего – ни своё тело, ни ситуацию, ни даже собственные реакции.

И тогда я начинаю его бить. Не сильно, скорее по инерции, ладонями по плечам, по груди – просто чтобы вернуть себе хоть каплю контроля, чтобы он понял: я здесь, я живая, я не вещь, которую можно просто взять и поглотить целиком, ведь именно это он и делает. Чёртов Гулливер!

– Господи! Отпусти! Зверюга, блин! – выкрикиваю я, когда он наконец отстраняется, тяжело дыша, будто только что пробежал целый марафон.

На секунду мне показалось, что он сейчас реально меня задавит,как хищник куропатку – не со зла, а просто потому, что инстинкт сильнее разума. Ужас! Как же меня теперь трясёт-то! Да и его, кажется, тоже…

– Ты чё? – запыхавшись, спрашивает он, отпуская меня, и в его глазах – не злость, а растерянность. Будто он сам не понимает, как оказался в этой точке, где нежность превра-

тилась в ярость, а забота в эту нездоровую похоть, которая только что не вылилась в кое-что другое…

Я отступаю на шаг, прижимаю ладонь к губам – они пульсируют, горят, будто обожжённые.

– Набросился на меня! – возмущаюсь я, и голос дрожит. Ненавижу себя за эту дрожь, но ничего не могу с ней поделать.

– Я на тебя?! – он хмурится, будто сама мысль абсурдна. – Это ты на меня!

От его наглости у меня полуоткрывается рот.

– А вот и ничего подобного! – огрызаюсь я, пытаясь собрать остатки гордости. – Наглец… – снова касаюсь губ, чувствую, как они припухли, и это бесит ещё больше. – Ужас какой…

– Да ладно, просто поцелуй, – пожимает он плечами, но в этом движении нет лёгкости. Он сам понимает, что «просто» тут ничего не было. Просто он чуть меня не сожрал, да и всё!

– Просто поцелуй?! – почти кричу я. – Ты что, со всеми так целуешься?!

– Нет… – отвечает он тихо, без лишних оправданий.

– Ну вот и я, чтоб ты знал, нет! – выпаливаю я, чувствуя, как внутри всё ещё дрожит. – И кошечек я люблю! Нет, даже обожаю! А ты… ты… – слова заканчиваются, потому что любые сейчас будут звучать жалко.

– Верни мой ствол, короче, и я поеду! – обрубает он мою зарождающуюся истерику. Спецназовец, блин! Только об од-

ном думает!

– С превеликим удовольствием! – бросаю я, и в его глазах мелькает облегчение. Будто ему тоже нужно, чтобы этот момент закончился поскорее, чтобы мы вернулись к чему-то менее неожиданному. К чему угодно, кроме этого напряжения, которое висит между нами, как грозовая туча.

По дороге наклоняюсь, подхватываю Радость, который всё это время сидел в углу и смотрел на нас круглыми глазами, будто пытался понять, что вообще происходит в этом доме. Котёнок мурлычет, тычется носом в ладонь, и от этого простого, тёплого движения внутри что-то щёлкает, будто возвращается способность дышать.

– Подержи! – говорю я Андрею, нарочно сую ему котёнка в руки. Пусть подержит, пусть почувствует эту мягкость, эту пушистость, эту жизнь, которая не требует ничего, кроме поглаживания.

Андрей растерянно берёт его, как гранату без чеки – осторожно, будто боится, что котёнок взорвётся прямо у него в ладонях.

– Блин, а он на полу посидеть не может?! – бурчит он, явно не в своей тарелке. А я прям наслаждаюсь этим.

– Не может, – отрезаю я, не глядя на него. – Он нервный. Как и я!

Я разворачиваюсь и иду, нет, бегу в комнату, где на тумбочке лежит пистолет – тяжёлый, холодный и такой устрашающий. Подбираю его, чувствую ту самую тяжесть в руке,

и на секунду мне становится спокойнее. Вот это я понимаю – это правила, это границы, это можно контролировать. Не то, что его поцелуи…

Уже собираюсь идти с ним в прихожую, думая, что, по сути, не хочу так быстро выгонять Андрея, но… Мне нужно подумать о том, что сейчас здесь произошло. Нас ведь притянуло друг к другу, да?

И вдруг слышу какой-то шорох. Сначала думаю, что это снова трубы, или сквозняк, или что-то в этом роде. Но нет. Это не трубы… Точно…

– Да-да, я сейчас! Уже несу, блин! – бросаю через плечо, думая, что это Андрей что-то там бормочет про кота.

Выхожу оттуда и замираю. В дверях стоит хозяйка квартиры – та самая строгая женщина с вечно поджатыми губами, которая каждый месяц приходит проверять счётчики, открывая дверь своим ключом, и делает вид, что она просто мимо ехала и решила по пути зайти... Ага, как же! Конечно!

Она застыла, как статуя, с раскрытым ртом, и из её рук, будто в замедленной съёмке, выпадает пакет с фруктами. Яблоки, апельсины, нектарины – всё это катится по полу и останавливается у моих ног…

Где я застыла в ужасе, в пижаме с симпатичными ромашками и с пистолетом в руке.

А рядом стоит здоровенный полуголый Андрей, с рельефными мышцами, мокрыми волосами и с рыжим котёнком в руках, который смотрит на хозяйку так, будто это она тут

лишняя. Андрей даже не моргает. Но по-мужски сглатывает и подкашливает… Боже, мне конец…

Картина маслом, блин…

Глава 17.

Андрей

Пиздец… Стою в чужой прихожей, полуголый, с каким-то комком рыжей шерсти в руках, и не знаю, куда себя деть… Ладони вспотели, пальцы сжимаются рефлекторно чуть сильнее, чем нужно, будто держу не котёнка, а оружие массового поражения. В дверях передо мной застыла седая женщина лет пятидесяти с лицом, будто высеченным из камня. Я не понимаю, кто она: мать Карины, тётка, соседка…? Не важно… В её взгляде столько недоверия, что мне хочется убежать отсюда. Можно даже через балкон или проползти по полу между ног, сгруппировавшись...

Но рыжая тут же берёт всё в свои руки, точнее, делает вид, что берёт, на деле же делает ситуацию ещё абсурднее, чем она есть. Ну, как привыкла, видимо.

– Боже, здравствуйте… – выдыхает она, зажимая пистолет в руке. – Это не то, что Вы подумали… У меня тут… кран прорвало, и сантехник вот пришёл…

Сантехник. Ахаха. Я чуть не усмехаюсь. И у меня даже, кажется, начинает дёргаться глаз. Но я молчу. Как воды в рот набрал. Потому что любые слова сейчас будут звучать как оправдание, а я не привык оправдываться. Привык действовать. Но здесь действие невозможно. Здесь можно только стоять, как истукан, и ждать, пока буря утихнет.

Женщина смотрит на меня, потом на Карину, потом снова на меня. В её глазах целая вселенная вопросов, на которые у меня нет ответов. Да их, походу, нет ни у кого в этом мире, потому что выглядим мы с ней максимально странно.

– А что это за кошка у Вас здесь? – наконец спрашивает она, и в этом вопросе столько негатива, что я понимаю, что кошки ей не нравятся ещё сильнее моего… Что ж… Карина, жги.

– А это его! – тут же выпаливает она, будто заранее придумала. – Это его кошка, и… эм… это тоже его. Зажигалка просто. – следом передаёт мне пистолет.

У меня слов просто нет. Я в ахуе… Моя кошка, значит? Кажись, я понимаю, что происходит. Видимо, она снимает у этой бабы…

Я принимаю пистолет машинально, складываю его в задний карман джинсов – единственное, что на мне осталось. А эта женщина не перестаёт пожирать меня возмущенным взглядом. Я даже не знаю, какого хрена тут до сих пор стою. Ещё и с рыжей гранатой в руках.

– Ээээм… Кран я починил. Больше не течёт. В общем, я пойду… – выдавливаю я из себя, потому что больше ничего не остаётся. Надо уходить. Надо выбраться из этой квартиры, которая сейчас кажется мне лабиринтом, из этого напряжения и этих взглядов, которые будто просвечивают меня насквозь, как два рентгеновских луча… Или даже четыре сразу…

Я ставлю котёнка на пол. Он тут же потягивается, зевает, будто ничего не произошло, будто он каждый день участвует в таких спектаклях. Хотя с ней это совсем неудивительно. Они ж прям созданы друг для друга. Два рыжих Исчадия… И неожиданно он прижимается обратно к моей гаче.

А хозяйка тут же мотает головой, поморщившись, глядя на него.

– Нет, нет. Забирайте. Как принесли, так и уносите отсюда…

– Я?! – спрашиваю я, будто не расслышал. Будто мне нужно, чтобы кто-то другой подтвердил: да, ты. Ты теперь отвечаешь за этот рыжий комок шерсти, мужик.

– Ну не я же! – фыркает хозяйка, и в этом фырке столько злости. Только я тут вообще причём?! Я этого рыжего впервые вижу! Он мне, блядь, никто! Я кошек реально не переваривaю!

– А он заберёт… Заберёт… Уносите своего котёнка, нечего мне тут! – поддакивает Карина, и в её голосе столько наглости, что я даже не спорю… Она суёт мне его обратно в руки.

И вот я выхожу... Меня буквально выпроваживают в подъезд – полуголого, с котёнком и пистолетом в кармане. Дверь за мной закрывается с тихим, но окончательным щелчком, будто ставит точку в этой главе.

Карина остаётся внутри. Я слышу, как она что-то бормочет хозяйке – наверное, извиняется, сглаживает углы, делает

вид, что всё у неё там нормально. А я стою в подъезде, прижимаю к груди этого наглого рыжего засранца, который уже пытается лизнуть меня в подбородок, и думаю:

«Да, Андрюх, вот это ты, конечно, попал».

– Пиздец… – выдыхаю я вслух на весь подъезд. – Теперь мы с тобой оба как бездомные… И что мне с тобой делать?! Мне б тебя не задавить… Блин…

Он смотрит на меня своими огромными глазами, будто понимает каждое слово. И в этом взгляде – столько доверия, что у меня внутри что-то сжимается. Не от страха, не от раздражения, а от ответственности, которой меня столь внезапно и нагло наградили. Я никогда не думал, что буду отвечать за кого-то, кроме себя. А теперь вот… Свалился на мою голову. Благодаря ей!

Спускаюсь по лестнице, выхожу на улицу. Натягиваю куртку, которая лежит на пассажирском сиденье.

Сажусь в машину, устраиваю котёнка на коленях. Он тут же начинает топтаться, выпуская свои маленькие когти, будто ищет самое удобное место, и в конце концов, сворачивается клубочком и мурлычет, будто благодарен мне, что я его оттуда забрал… Ему чё совсем там плохо жилось, да?

– Полная жесть… – качаю я головой, заводя двигатель. – Поехал за стволом, уезжаю без футболки и с рыжим комком на коленях… Замечательно…

Машина мягко заводится, урчит, будто повторяет за ним. Выезжаю со двора, смотрю в зеркало заднего вида и на се-

кунду мне хочется вернуться. Не за футболкой. Не за пистолетом. А просто чтобы снова увидеть эту сумасшедшую и понять, выпуталась ли она из этой тупиковой ситуации...

В голове крутится наш поцелуй. Я помню вкус её губ – сладкий до одури, особенный. Такой, что до сих пор чувствую его на своих губах, как в сопливых мелодрамах. Помню, как она била меня по плечам, как кричала, как пыталась вырваться, и как потом на долю секунды прижалась ко мне, будто сама не хотела этого прекращать… Это было что-то такое, что нельзя было контролировать. И я не контролировал. Я просто сорвался.

И теперь даже не знаю, что она обо всём этом думает. Ей реально не понравилось? Или она так просто набивает себе цену? Чё это вообще было такое? Мы же даже обсудить нормально не успели…

Еду по городу в сторону своей квартиры и думаю о том, что нужно обязательно ехать к Серёге сегодня. Он в больнице после операции, ждёт меня, пока я страдаю какой-то ху…

– Ладно, – бормочу я, косясь на рыжего пассажира. – Сначала придумаем, куда тебя пристроить. В палату тебя точно не пустят…

Глава 18.

Карина

Дверь за ним закрывается. Не с грохотом, не с драматичным хлопком, а так, буднично и окончательно, что у меня щёлкает сердце. И этот звук бьёт по барабанным перепонкам сильнее любого визга…

Андрей уходит. С моим котёнком! С моим котёнком! Боже…

Я стою посреди прихожей, и пол под ногами будто уходит куда-то вниз, как в тех снах, когда падаешь и просыпаешься от собственного вдоха. Только сейчас я не проснусь. Это реальность. И в этой реальности Андрей, который терпеть не может кошек, уносит с собой Радость – единственное существо, что никогда не пыталось меня утопить, разбить или напугать.

– Нет, нет, нет… – шепчу я, прижимая пальцы к губам, будто могу удержать этим звуком то, что уже случилось. – Только не это. Пожалуйста, не бросай его где-нибудь у мусорки, не оставляй на остановке…

Но он не слышит. Он уже в подъезде. А я здесь. И здесь ещё есть недовольная хозяйка, которая со скептицизмом осматривает ванную комнату.

Она стоит, сложив руки на груди, и смотрит на меня так, будто я – главная неприятность её жизни. Не арендатор, не

человек, а какая-то аномалия, которую она не может классифицировать. Но я её понимаю, на меня так многие смотрят.

– Ну, – говорит она строго, но в голосе уже не столько гнева, сколько усталого любопытства. – Рассказывай. Что за цирк тут был?

– Никакого цирка… – выдыхаю я, пытаясь собрать себя в кучу. – Кран прорвало, я позвонила, пришёл мастер… починил.

– Мастер, – повторяет она, будто пробуя слово на вкус. – И пистолет у него, видимо, для прочистки труб?

Я вздрагиваю. Пистолет. Господи, пистолет. Я совсем забыла, что она его видела.

– Это… Я же сказала, это не пистолет, – бормочу я, чувствуя, как щёки заливает жар. – Это… зажигалка. Большая. Коллекционная!

Боже, я не умею врать!

Хозяйка смотрит на меня секунду. Две. Три. Потом медленно качает головой.

– Ладно, – вздыхает она. – Не хочу знать. Но чтобы больше никаких «коллекционных зажигалок» и полуголых мужчин в моей квартире.

– Конечно, конечно! – киваю я, делая шаг в сторону ванной. – Давайте счётчики покажу?

Она вздыхает ещё раз – тяжело, так, будто на её плечах лежит не только эта квартира, но и все мои проблемы.

– Давай, – бурчит она. – Показывай.

И я веду её. Показываю эти дурацкие счётчики, которые, как назло, намотали дофига из-за прорвавшего крана, бормочу что-то про кубометры и давление, про то, что Андрей очень аккуратный мастер, и кран теперь точно не потечёт. А сама всё время думаю о том, что он утащил моего кота! Хорошо, что лоток и миска стоят не в ванной комнате, иначе вышло бы совсем не ловко.

Внутри всё сжимается.

Когда мы наконец возвращаемся в прихожую, хозяйка останавливается у двери, оглядывается, будто проверяя, не пропало ли что-то ценное. А я загораживаю ей весь обзор. Ну, нафиг…

– Всё в порядке, – говорю я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. – Больше никаких проблем.

– Надеюсь, – кивает она, но в её взгляде всё ещё читается сомнение. – Если что – сразу звони, Карина.

– Обязательно, – шепчу я, провожая её до двери. – Сразу же.

И наконец, когда дверь за ней закрывается, я буквально падаю на пол, прислоняюсь спиной к холодному дереву и пытаюсь отдышаться. Секунду сижу, собираясь с мыслями, а потом вдруг вскакиваю, бегу к окну и выглядываю вниз.

Нет! Нет! Нет! Я думала он просто ждёт внизу, а он уехал! Его машины нигде нет! Вот чёрт!

Он уехал. С Радостью! С моей Радостью!

Паника накрывает меня ледяной волной. Я прижимаю ла-

дони к стеклу, будто могу этим как-то остановить его…

Но двор пуст. Тишина.

Хватаю телефон. Пальцы дрожат так, что я дважды набираю неправильный номер. Наконец дозваниваюсь до Ольги Петровны.

– Алло, Карина? – её голос звучит спокойно. Она меня, кажется, и не потеряла даже…

– Ольга Петровна, здравствуйте! – выпаливаю я, стараясь говорить ровно, но голос всё равно срывается. – Вы не знаете… у Вас случайно нет номера того спецназовца… Ну, который про меня спрашивал вчера?

На том конце провода тишина. Такая долгая, что я успеваю услышать, как в соседней квартире щёлкает замок, как где-то внизу хлопает подъездная дверь, как в трубах что-то тихо булькает, будто квартира вздыхает вместе со мной.

– А что случилось, Карина? Ты где вообще сейчас? – спрашивает она наконец, и в её голосе уже не просто любопытство, а настороженность. Ну или стандартное начальническое «живо на работу, пока я тебя на вилы не посадил!». А что… Начальники ведь разные бывают.

– Дома, – признаюсь я, опускаясь на край дивана. Ноги вдруг становятся ватными, будто вся сила разом ушла из них. – То есть, мне просто плохо стало… После вчерашнего… Извините, что не отпросилась нормально…

Я, по сути, просто забрала сумку и проскользила к выходу…

– Понятно, – снова вздыхает она. – Слушай, у меня нет его номера… Он не оставлял. Ты сейчас главное не паникуй, все живы. Всё в порядке. Сегодня можешь отдохнуть, но завтра надо обязательно на работу…

Я киваю, хотя она меня не видит. Киваю, потому что это единственное, что я сейчас могу сделать. Она думает, что я всё ещё переживаю из-за перестрелки, но, по правде говоря, меня смущает другое… Но не будешь же рассказывать начальнице про поцелуй и котёнка, правда? Абсурд какой-то… Я не настолько отчаялась! Уж лучше бесплатный психолог в интернете…

– Ладно, – шепчу я. – Спасибо, Ольга Петровна…

– Если что – звони, – говорит она уже на прощание.

– Ага, – выдавливаю я.

Кладу трубку и сижу, глядя на экран, будто он должен подсказать мне, что делать дальше. Но телефон молчит. Квартира молчит. Даже трубы перестали булькать, будто тоже издеваются надо мной…

Встаю, начинаю ходить из угла в угол. Шаг влево, шаг вправо – как зверь в клетке, который не понимает, почему вдруг стало так тесно. Прохожу мимо кухни, вижу миску моего маленького пушистика… И мне становится так грустно, аж сердце щемит. А что если он его реально выкинет?!

На меня вдруг накатывает такая тоска, что хочется просто сесть на пол и заплакать.

А ещё этот поцелуй. Господи, этот поцелуй!. Я до сих пор

чувствую его на губах – горячий, жёсткий, будто он пытался из меня всю душу высосать. И от этого воспоминания ноги снова становятся ватными…

Весь день я хожу как дура в ожидании… Даже ужин не могу сварить от невроза. Всё таскаю какое-то печенье и пью чай литрами… Успокаивающий. Лучше бы было добавить туда реального успокоина типа коньяка или чего-то подобного. Но у меня ничего нет.

Когда часы переваливают за десять, сажусь на диван, обхватываю колени руками и смотрю в окно. За стеклом темнеет. Двор пустеет. Редкие фонари зажигаются один за другим… А я всё сижу как дурочка и не могу пошевелиться… Никогда ещё одиночество не пугало меня так, как сейчас…

И вдруг – звонок в дверь.

Резкий, настойчивый, такой, что я вздрагиваю всем телом. Сердце подпрыгивает к горлу, стучит там бешено, отчаянно, будто пытается выбить дверь раньше меня.

«Это он, – мелькает в голове. – Это точно он. С моим котёнком!».

Я вскакиваю, бегу к двери, чуть не спотыкаюсь о коврик, торможу у глазка, прижимаюсь к нему глазом. В узком круге обзора – знакомый силуэт. Широкие плечи, тёмная куртка, в руке что-то яркое, пёстрое…

Распахиваю дверь. И замираю.

Андрей стоит на пороге. В одной руке – букет цветов. Таких ярких, будто он схватил первые попавшиеся в каком-то

ночном ларьке. В другой – ничего. Ни сумки, ни коробки…

У меня в горле пересыхает. Хочется кричать, плакать, смеяться – всё сразу.

– А… это… что? – выдавливаю я, кивая на цветы. – И где мой котёнок?!

Он чуть приподнимает бровь, будто не понимает, о чём я.

– А… да я обменял его в переходе на букет, – говорит он спокойно, как о чём-то самом обычном. А у меня такая паника.

– Что?! – выдыхаю я, чувствуя, как внутри всё обрывается. – Ты… ты что сделал?!

– Ничего, шучу, – усмехается он и, не дожидаясь приглашения, проходит внутрь. – На, держи. – Толкает мне в руки букет, как какой-то пещерный человек. Грубиян! Цветы чуть колышутся, будто вот-вот рассыпятся после его хватки. – Ушла твоя арендодательница?

Он вальяжно останавливается у стены. Я стою, сжимаю в пальцах стебли и не могу даже спокойно дышать…

– Как ты понял? – спрашиваю я, наконец находя голос.

– Ну чё я, дурак, что ли, – пожимает он плечами, оглядываясь по сторонам, будто проверяет, не развалилась ли квартира, пока его не было. Всякое ведь может быть у такой неудачницы как я…

– Она счётчики пришла проверить просто, – бормочу я, всё ещё не отпуская букет. – Так где Радость?! – вдруг выпаливаю я, потому что больше не могу держать это внутри.

– Ты сказал, что не любишь кошек, и я думала… я боялась, что ты его выбросишь.

– Радость? – переспрашивает он, и на секунду на его лице мелькает что-то похожее на растерянность. – А… ну был ваш, стал наш.

– В смысле?! – я чуть не роняю цветы на пол. – «Наш»?!

– Ну а что? – пожимает он плечами, и в этом движении столько небрежности, что мне хочется одновременно обнять его и стукнуть. – Он всю дорогу на мне спал. Прямо на ногах устроился, пускал когти, я чуть в столб не въехал. Потом начал мурлыкать – тихо так, противно… но как-то… успокаивающе. Я решил оставить его себе.

Я смотрю на него и не знаю, что сказать. В голове крутятся десятки вопросов, но ни один не кажется правильным.

– Щас ага! Верни котёнка! Или ты приехал вручить мне цветы?!

– Я за футболкой приехал – не обольщайся… Вернёшь футболку – получишь своего кота.

– Футболка… А-а-а… Футболка, жди! Жди здесь! – я бегом тащусь на балкон, а потом смотрю на пустую вешалку. Я забыла закрыть окно. Был ветер… Смотрю на улицу и вижу, что она болтается на дереве… Вот чччёрт…

Боже, за что?!

Возвращаюсь обратно к нему… И морщусь от безысходности.

– У меня нет твоей футболки.

– Чё так? Сожрала её?

– Хаха! Очень смешно. Её ветер сдул на дерево во дворе!

Он мотает головой с ухмылкой.

– Ну не веришь, сам посмотри!

– Бляяяя… От тебя реально лучше держаться подальше. Уверена, что хочешь бедное животное назад?

– Ах ты скотина! – стукаю я его по руке, но она даже не чувствует. Ржёт. – Где он?!

– У меня в машине. Сидит там, как король. Я думал, если сразу с ним приду, мало ли что. Вдруг тут твоя хозяйка до сих пор…

– Ты… ты что его в машине оставил?!

– Ну да. А чё?

– Ты совсем дурак?! Животных нельзя там оставлять!

– Можно. Кто сказал нельзя?! На улице почти ночь. Солнце не печет. Не выдумывай, а! – рявкает он на меня, и я толкаю ему его цветы обратно.

– Забери, короче! Мне от тебя ничего не нужно! И отдай моего котёнка обратно!

– Да, пожалуйста… Больно нужна мне эта животина… – говорит он недовольно, а я надеваю кроссовки, столкнувшись с его насмешливым взглядом.

– Ты так пойдешь?

– Ну да… А что такого-то?

Подумаешь, пижама и кроссы… Я ещё джинсовку сверху надену… А-то там какой-то жуткий ветер… И пофиг, что

выгляжу как бомж. Я люблю так странно ходить. Его рука выхватывает у меня цветы и нагло толкает их на пуфик.

– Потом в вазу поставишь.

– Щас! Иди давай!

Мы с Андреем выходим во двор или даже вываливаемся из подъезда, подходим к машине, открываем дверь салона и… Там пусто. А сзади сквозит приоткрытое в двери окно… Я смотрю на это, и у меня дёргается глаз.

– Бля… Я чё не закрыл, что ли? – выдаёт он растерянно, а мне теперь хочется его придушить прямо на месте. У меня и цветы теперь есть для его могилки… Интересно какой срок дают за спецназовца?

Глава 19.

Андрей

Какого хрена?! Где этот рыжий комок несчастий?! А-а-а! Ещё один на мою голову!

Осматриваю заднее сиденье, где его оставил.

– Кыс, кыс, кыс, – оббегает Карина мою машину в истерике. – Господи! Что же делать-то, а?! – причитает без умолку. – Радость?! Радость!!! Где же ты?!

Надо же было так по-дебильному кота назвать. Ну ладно, пушок, звонок, прыгунок… Зассыха на крайний случай! Но не Радость, блин!

– Тихо ты… Он не мог далеко уйти…

– У тебя не спросила! Жестокий деспот! Кыс-кыс! – продолжает звать его писклявым тоном, пока я смотрю по сторонам. Да как так-то вообще… Мне ехать нужно было, а тут такой облом, а… И не бросишь же её теперь в беде, правда?! Нашла, блин, деспота…

Я закрываю дверь и ставлю машину на сигналку. Сам хватаю её за руку.

– Пошли…

– Куда мы?!

– Искать его, куда ещё! Какую-нибудь сосиску надо или типа того… Где здесь магазин?!

– Вон там, за углом!

– Ну ок…

В магазин мы вваливаемся вдвоем… Время около десяти, уже темно… И я, здоровенный мужик, рядом с этой маленькой хрупкой рыжей девочкой, прошу продавщицу взвесить нам пять сосисок… На случай, если по пути попадутся другие желающие похавать на халяву… Запрос странноватый – согласен, но клиент – барин, как бы… Не надо так реагировать…

А-то ведь женщина смотрит на нас так, словно продаёт нам чёрную икру из-под прилавка… Во всяком случае, взгляд у неё капец какой подозрительный…

– Их можно не варить, если что, прям так кушать…

– Ага, благодарю.

Она передаёт мне пакетик с полуфабрикатами, и мы с Кариной выходим оттуда в гробовом молчании… Она что реально подумала, что мы сейчас сосиски будем жрать, да?

– Какие они у вас тут странные… – усмехаюсь я.

– Тебе смешно?! Котёнок один в темноте на улице, где полно собак! А тебе смешно?! – не унимается блаженная.

– Да успокойся ты… Если бы что-то такое было, мы бы уже услышали лай или его визг… – пытаюсь её расслабить, но она вся сжалась… Да ещё и ветер дует, поэтому я тут же снимаю со своих плеч куртку и надеваю на неё.

Она ёжится, но ни слова не говорит. Принимает… Хотя видно, что вес моей куртки буквально придавил её хрупкую фигурку к земле… Я хз даже о чём сейчас разговаривать,

потому что вижу, как её трясёт. И как я мог так затупить?! Почему окно не закрыл?!

Я не знаю, сколько мы так ходим с ней и ищем этого засранца… В моменте мне кажется, проходит целая вечность… Я кошек и так недолюбливал, а теперь вдвойне получается… Хотя от Серёги он меня всё-таки послушно дождался… Правда диван мой изодрал, но дождался…

И я Серому обещал, что завтра пну к нему Лильку. Она вроде как согласилась, потому что я занят. Надеюсь, не кинет. Потому что он тогда точно из больницы на своих двоих до неё дойдёт. Упрямый же как баран. Да ещё и Игорю, походу, позвоночник вырвет. Не советую я, короче, его драконить лишний раз. Но и постоянно думать только о чужих проблемах я тоже не могу. Своих, сука, полно…

– Блин, ещё и молоко забыл в холодильник убрать, – ворчу я, вспоминая, пока лезу в подвал неподалеку, подсвечивая телефоном.

– Что ты там бурчишь?! Нашёл? – визжит она позади.

– Нет, блин. Не пизди под руку…

Чуть телефон из-за неё не выронил…

– Пусто… – вздыхаю, встав с земли и отряхивая руки. – Бесполезно, походу… И ещё я весь испачкался…

– И что теперь?! Пожалеть тебя, бедненького?!

– Ну хотя бы позвать поесть и помыться, к примеру… И дальше продолжим…

– Ты офигел, да?! Какой помыться и поесть!? Пока котё-

нок там один в опасности…!

– Ой, всё… Иди давай, – подталкиваю её в спину, а она возмущенно пыхтит, размахивая своими рыжими волосами. Вот любит же нагнетать, а! И ладно бы помогала, но лазил везде я, а она просто рядом стояла и пальчиком тыкала, как своему личному рабу. Нормально, да?

Мы доходим до подъезда, и она встаёт в позу. Скрестив на груди руки, зыркает на меня своими дальними огнями.

– Андрей!

– Что?!

– Я же вернула тебе пистолет! Ты должен был вернуть котёнка!

Я ушам своим не верю. Это чё типа бартер?!

– Я не виноват, что он сидеть на жопе ровно не умеет, как его хозяйка. Сам же куда-то свалил! Я здесь причём?!

– Окна закрывать надо, к твоему сведению! Это же почти ребёнок!

Тут я начинаю ржать… Ну сравнивать котёнка с ребёнком это как бы слишком.

– Ах ты сволочь! – она опять начинает меня бить. И я тут же хватаю её за плечи, встряхивая.

– Так, успокоилась! А то… – замолкаю я.

– Что?! Снова меня поцелуешь, да?!

– Да нужна ты мне… Никогда больше целовать тебя не стану!

– Вот и отлично!

– Шикарно!

– Роскошно!

– Потрясающе!

Как два дебила с ней реально. Я ещё никогда такой хренью не страдал. Стою пыхчу от злости, аж пар из ушей идёт. И она точно такая же… Вот встретились же два одиночества.

И я уже хочу вновь ляпнуть очередной красочный эпитет или полную кринжатину, как вдруг…

– Мяу… Мяу…

– Что ты замолчал, а?! Душегуб проклятый! – нападает она дальше.

– Стой! Тихо ты… – прислушиваюсь, огрызнувшись под тихое «мяу…». Осматриваюсь по сторонам, согнувшись. – Где ты, скотина, а…

– Прекрати обзывать его! – прилетает мне по башке. Как дотянулась-то вообще, интересно?!

– Слышь! Ещё раз так сделаешь, я точно достану пистолет!

– Ах ты… я напишу жалобу на тебя!

– Хах… Так и знал…

– Да, да, напишу жалобу и тебя отправят под трибунал!

– Помолчи, а… Дура, блин, – иду на звук и открываю машину… А этот мелкий паразит выползает из-под кресла и точит когти о мою кожаную обивку. – Я. Тебя… Убью…

– Радость! – тут же отталкивает она меня в сторону. Такая маленькая, а видит цели – не видит препятствий. Сдвинула

как нехуй делать одной рукой, лишь бы своего пушистого обнять… Капец.

– Всё? Я свободен наконец?!

– Да, свободен!

– Отлично! Аривидерчи! – иду к водительской двери и слышу позади визгливое.

– Андрей!

– Да что?! – оборачиваюсь в бешенстве.

– Не хочешь… Чай попить, а… – мнётся она волнительно.

Я зависаю и смотрю на неё. Сердце колотится, как ненормальное… Я нифига не понимаю эту женщину. Что за эмоциональные качели?! Вот так на них и подсаживают, да?

– Мне стыдно… Я просто разнервничалась… Не хотела ругаться…

Изучаю её. Взгляд искренний… Видок несчастный… И этот рыжий так на нас смотрит, словно переживает за наши отношения больше, чем за потерю своей нерадивой мамки…

– Ладно… – отвечаю я, делая шаг к ним. – Попью чай и поеду…

– Ура! – довольно лыбится она и аж подпрыгивает на месте, устремившись в подъезд… Что в этой рыжей голове вообще не понимаю, но это всё становится весьма абсурдным, а может даже опасным для моей холостяцкой спокойной жизни…

Глава 20.

Карина

Он столько раз мне помогал… Что даже его ворчание и наши небольшие конфликты не способны заставить меня разочароваться в нём, как в сильном поле. Всё-таки он такой и есть. Однозначно. Ну какой ещё посреди ночи станет покупать сосиски, чтобы отыскать потерянного котёнка? Я больше таких не знаю, если честно…

– Проходи, – запускаю его внутрь.

– Вау… Ты умеешь быть вежливой?

– Мяууу, – раздаётся с моих рук важно.

– А ты вообще молчи, подставил меня так сегодня, – ругает он котёнка, а я ставлю Радость на пол, пока он снимает ботинки, и в это же время рыжий сорванец прыгает на его ноги. – Э! Ну чё такое-то?! Отлипни!

– Он тебя выбрал, – расплываюсь я в улыбке, глядя на то, как пушистый комочек свернулся клубком на его ногах.

– В смысле выбрал? Не надо… Не надо меня выбирать. Кыш, блин, брысь! – пытается скинуть, а я закатываю глаза.

– Боооже… Ты неисправим…

– И вот это, кстати, тоже не надо, – он медленно снимает его с себя и возвращает на пол, а Радость мило зевает, глядя на нас своими сонными жёлтыми глазами. Всё бы спал… Из пушки порой не разбудишь. Видимо, и в машине было тоже

самое.

– Что?

– Исправлять меня. Я на это не подписывался.

– Ты душный такой, с ума можно сойти. Я думала спецназовцы обычно… Компанейские…

Он усмехается надо мной.

– Хочешь сказать, я не компанейский, а?

– Не похоже, – пожимаю плечами. – Руки мой, я сейчас…

Зря я его, конечно, позвала… У меня даже к чаю ничего толком нет, кроме какого-то старого печенья, блин. Ужин я не приготовила сегодня, разумеется, из-за всей этой бесконечной круговерти событий. Чувствую себя неудачницей, как всегда в последнее время.

Андрей возвращается из ванной и садится за стол.

– Ещё раз кран посмотрел – порядок.

– Хорошо… Спасибо.

Я ставлю перед ним свою любимую чашку с сердечками, а он так на неё смотрит.

Учитывая, что мы уже целовались с ним, я в целом понимаю почему…

Наверное, думает, это намёк? Но просто коричневая грязная, а другие слишком маленькие для такого, как он, думаю…

– Тебе другую дать? – спрашиваю, отслеживая взгляд.

– Да нет, норм… – усмехается и отпивает из неё горячий чай.

– Слушай, спасибо ещё раз… Что помог и всё такое… За всё… – запинаясь перечисляю я и нервно тереблю край пуфика.

– Не за что…

– Есть за что!

Он снова смеётся надо мной…

– Тебя, наверное, всё время нет дома? – спрашиваю я, чтобы просто разорвать этот неловкий разговор. – Служба ведь постоянная…

Он чуть улыбается.

– Ну, это как посмотреть, – говорит он, обхватив чашку ладонями, будто согревает их. – Иногда кажется, что дом – это там, где ты можешь пять минут посидеть и никто не будет дёргать…

– Ага, – киваю я, вздыхая. – Как сегодня… Кажется, я задёргала тебя до изнеможения… Блин, извини, что так получилось, – шепчу я, опуская глаза. – Что втянула тебя в эту историю…

– Да норм, всё, – отмахивается он. – Я не из тех, кто обижается на суматоху. Суматоха – это жизнь. Ну и кроме того, это же не за просто так. Должна будешь, если что.

Я тут же расширяю глаза, чтобы возмутиться. Уже даже открываю рот…

Но тут в его кармане начинает жужжать телефон. Андрей хмурится, достаёт его, смотрит на экран – и его лицо мгновенно меняется. Из расслабленного становится напряжён-

ным.

– Да, Лилёк? Ты чего так поздно? – отвечает он, и голос у него сразу другой – строгий, собранный. Я сразу думаю… Ну всё. Девушка. Или того хуже – жена. Хотя какая, нафиг, разница? И то, и то ужасно, Карина! Но он продолжает втаптывать мою самооценку в грязь… – В смысле… Лиля? Мы ж договорились. Он тебя ждёт завтра. Что значит «не могу»? А?! Вот я не могу! У меня служба! – рычит от дальше. – Занят был потому что, поэтому и не брал. Да… Да! Лиля… Потому что не мог!... Да чтоб тебя… Да, с девушкой. Да, она здесь. Ага…

Он смотрит на меня огромными, умоляющими глазами – такими, будто я могу одним словом спасти его от этого кошмара… Господи, да кто там звонит такой настырный, а?!

Он секунду колеблется, будто сомневается просить ли меня отвечать кому-то, а потом вручает мне телефон с таким видом, будто передаёт гранату с выдернутой чекой. Боже мой!

Я перенимаю у него телефон… Сердце в груди прям долбит как бешенное. Кому что надо?!

– Да, привет, – говорю я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, но не выходит…

– О, Боже! Ты настоящая! Карина, да?! – визжит в трубке девушка – так громко, что я чуть не отдёргиваю телефон от уха.

– Да… А ты? – хмурюсь я в недоумении, а Андрей напро-

тив меня красный как рак, прикрывает глаза ладонью.

– Лиля! Его сестра! – возмущённо выпаливает она. – Он что, не говорил обо мне?!

Я кошусь на Андрея. Тот сидит, опустив голову, и выглядит так, будто хочет провалиться сквозь пол. Но Вы же услышали, как я выдохнула, да? Боже, как же я выдохнула…

– Ну, говорил немного… – осторожно отвечаю я, пытаясь сгладить углы.

– Гадёныш! – фыркает Лиля, но в её голосе уже нет злости, только весёлое раздражение. – Я ему устрою! Ой, как я хочу с тобой познакомиться! Когда мы увидимся?! Хотя давайте так, завтра в восемь у нас!

– Эээм, я не… – начинаю я, чувствуя, как паника снова подкатывает к горлу. – У меня, наверное, не получится завтра…

– Ничего не знаю, надо, Кариночка, надо! – перебивает меня Лиля с такой уверенностью, что спорить бесполезно. – Это не обсуждается!!!

– Дай трубку, а… – бормочет он, протягивая руку, и тут же отбирает у меня телефон. – Ты чего ей там наговорила?! Куда??? Блин, Лиля! Мы не можем завтра! Ну вот так, никак не можем! Карина работает допоздна… В банке, блин! Чё ты прицепилась??? Всё, давай, короче! В смысле??? Ты офигела, да? Если ты к нему не поедешь, ты меня кинешь… Это манипуляция! Ладно, блин! Я спрошу у неё, что можно придумать с её работой… Всё, давай! – он сбрасывает и бук-

вально взвывает в пустоту.

Я откидываюсь на спинку стула и смотрю на него. На его нахмуренные брови, на то, как он пытается одновременно быть строгим и мягким, как старается защититься от собственной сестры. И вдруг мне становится смешно. Так смешно, что я зажимаю рот ладонью, чтобы не расхохотаться в голос.

Потому что это безумие. Полное, абсолютное безумие. А он так осуждающе на меня смотрит в ответ. Я же не виновата, что это реально забавно выглядит.

– Слушааааай… – вздыхает он. – Тут такое дело… У меня есть друг. Он влюблен в мою сестру. Он же мой напарник. Его ранили на задании, он в больнице и… Лилька поставила условие, что если я тебя с ней не познакомлю завтра… То она к нему не пойдет…

– Что…? – улыбаюсь я, чувствуя изумление. Он это серьёзно вообще?!

Он усмехается, качает головой.

– Как-то так… Реально. Помнишь я сказал, что будешь должна?

– Ээээм… Так быстро, да? Вот они рыцари на белом коне!

– Я себя таким не заявлял… Просто… Давай спасём Серого, а?

Я всё ещё недоумевающе молчу, переваривая его слова. Он же явно нарочно, правда? Хочет провести со мной время и так незаметно затащить меня в свой капкан? Или я уже

размечталась?

– И в качестве кого я должна быть на встрече с твоей сестрой?

– Ну… Типа… В качестве моей девушки, – бормочет он растерянно, и я не выдерживаю… Начинаю смеяться на всю кухню, прикрывая ладонью рот. Это же бред какой-то, верно? Но, с другой стороны, он же меня выручил, так почему я не могу ему помочь?...

Глава 21.

Андрей

Она согласилась помочь мне. И теперь я чувствую себя вдвойне тупо.

Уехал оттуда весь красный, блин… Лилька вроде как и опозорила знатно, а вроде и помогла.

Паркуюсь у своего подъезда, глушу мотор и сижу, уставившись в лобовое стекло, будто там сейчас как от проектора проявится инструкция: «Как вести себя, если ты взрослый мужик, а сам трясёшься, как пацан перед первым свиданием».

Поверить не могу, что я это сделал. Ну то есть… не сам. Вроде как Лилька настояла, а я просто кивнул, потому что спорить с ней – всё равно что пытаться удержать ураган голыми руками. Но факт остаётся фактом: я позвал её на свидание. А теперь сижу тут, в темноте салона, и думаю, какой это бред. Нужно было вдвоем сначала куда-то идти.

Вот я могу восемь часов лежать в засаде, не шелохнувшись, даже если колония муравьев по лицу ползёт. А тут – свидание, да ещё и при моей сестре. И я не могу усидеть на месте. Как будто внутри кто-то накрутил пружину до предела, и она вот-вот щёлкнет и разнесёт здесь всё на части. Включая меня самого. Вот попал, а…

Бормочу себе под нос отборнейшие маты, выходя из ма-

шины и хлопая дверью чуть сильнее, чем нужно.

Как слюнтяй какой-то. Предвкушаю завтрашний день! Фантазирую! Да ещё и уснуть не могу…

Но я действительно не могу. Ворочаюсь на своей одинокой кровати, смотрю в потолок, где от фар проезжающих машин мелькают светлые полосы, и думаю о ней… Несмотря на все «против», которые выстроил мой мозг, есть и те самые «за», которые всё остальное отказывается игнорировать…

Вырубаюсь я в итоге кое-как в районе трёх часов ночи. С Кариной договаривались, что завтра в половину восьмого я заеду за ней.

Надеюсь, на этот раз будет без приключений…

***

Незаметно наступает утро. Как это всегда бывает, когда не можешь уснуть: вроде только закрыл глаза, а уже будильник орёт, как сирена воздушной тревоги… Всё тело, блядь, затекло…

Но служба сегодня радует – никаких эксцессов. Никаких прорывов труб, ограбления банков, енотов, куропаток и никаких рыжих котят, устраивающихся спать на моих ногах. Только рутина: отчёты, тренировки, инструктаж, снова отчёты. И эти бесконечные подколы от мужиков, которые видят мою довольную рожу.

– Сиииияй, – напевает Лис, как только прохожу мимо. И каждый раз я показываю ему средний палец, а он взрывается хохотом.

– Пошёл ты…

– Слышь, Андрюха, – тянет Витька, поправляя разгрузку. – Ну, правда… Тебе будто отпуск дали вне очереди…

– Ничего, – бурчу я, делая вид, что очень занят проверкой магазина. – Просто выспался.

– Ага, – кивает он, переглядываясь с Лисом. – Выспался. С кем-то, походу, да?

– С той рыжей бестией своей, – добавляет Лис, и у меня как током бьёт. Гады, а…

– Завязывай, – огрызаюсь я, но чувствую, как щёки предательски теплеют. – Чё надо? Чё приебались ко мне?!

– Воу-воу, – смеётся Паха. – Просто приятно на твою вечно недовольную рожу смотреть теперь…

Я психую. Но как-то больше внутри. Не хочу, чтобы они трепались.

– Вот взрослые мужики, а ведёте себя как бабы, чес слово…

Они снова ржут, а я стараюсь уйти с головой в работу…

Но день тянется, как резина. Каждая минута, как час. И когда наконец наступает вечер, я мчусь домой, как на задание, только вместо бронежилета натягиваю на себя нормальную человеческую рубашку – не ту, в которой хожу на службу, а обычную, чёрную, которая вроде как ничего, не слишком вычурная, но и не как у офисного клерка. Бля… Я сто лет рубашки не носил, если честно.

Привожу себя в человеческий вид. Бреюсь. Расчёсываюсь.

Смотрю в зеркало и думаю, кто этот щенок вообще… Нафига я сбрил бороду? Завтра мужики от смеха мне ещё и плешь проедят…

Дебил.

Хотя растёт она у меня быстро. Трое суток в поле, и вообще как на дрожжах.

Телефон неожиданно вибрирует. На экране высвечивается «Серёга». И я снимаю трубку.

– Ну и чё, как ты, бродяга, – хриплю я в трубку.

– Жить буду, – отвечает он, пока я застёгиваю пуговицы на рубашке. – Только ради тебя и ради того, чтобы уебать Лилькиному нынешнему додику…

– Ну это ты в очередь сначала вставай… Хотя он, походу, и порыва ветра ночного не выдержал. Унесло его куда-нибудь на Северный полюс…

Он хохочет – коротко, резко, и тут же закашливается. И я тоже ржу.

– Ай, не смеши, если бы, – ворчит он, отдышавшись. – У меня тут и так рёбра болят. А у вас там чё, свиданка?

Я замираю. Рубашка наполовину застёгнута, палец застыл над пуговицей.

– Чё… Какого х… Откуда инфа? – спрашиваю я, чувствуя, как внутри всё горит ярким пламенем.

– От Лильки, откуда, – смеётся он.

– Убью её, – выдыхаю я, опускаясь на край кровати. – Вообще тёплая водичка в жопе не держится.

– Я бы поспорил, у кого что не держится, братан, – хмыкает Серёга. – Но ладно, не кипятись. Это она от радости. Рада, что ты наконец-то из своей скорлупы вылез.

– Ой, всё, иди нафиг, – бурчу я, но в голосе уже нет злости. – Выздоравливай давай. Не мне же одному тут за вас всех отдуваться.

– Ага, ага, – смеётся он. – Держи в курсе. И… если что, фотку потом скинь, как соберешься. Платье, туфли… ну, ты понял.

– Сука, пошёл ты, – фыркаю я и сбрасываю звонок под его ржач.

Сижу секунду, качаю головой. Потом встаю, застёгиваю рубаху до конца, поправляю воротник. Смотрю в зеркало.

– Ладно, – шепчу себе. – Поехали.

Еду к её дому, и сердце стучит где-то в горле. Не от страха, нет. От предвкушения. От этого странного, почти забытого чувства, когда ты едешь не на задание, не на разбор полётов, не на очередной тяжёлый разговор, а просто к человеку. К тому, кто тебя ждёт.

Подъезжаю. Смотрю на подъезд. Она была бы не она, если б не опоздала, верно?

Жду…

Минут через пятнадцать я уже планирую идти за ней, но…

Тут она выходит.

И у меня внутри что-то подрывается, как снаряд…

Она в зелёном платье, на каблуках. Волосы распущены, лежат волнами, и в свете фонаря кажется, что она не идёт, а плывёт по крыльцу вниз, как русалка. У меня сердце бьётся в такт её шагам…

Я выхожу из машины, она видит меня.

Блядь, Андрей… Надо было подарить цветы снова… Придурок.

Карина медленно спускается по лестнице, осторожно, явно стараясь не споткнуться. И на последней ступеньке, разумеется, спотыкается.

Прямо летит вниз, раскинув объятия, и падает прямо мне в руки.

– Ой… – шепчет она, вцепившись в мою рубашку, будто это спасательный круг. Она, походу, к этому уже привыкла… Ни дня без падений. Вся в синяках. Лилька точно решит, что я её бью…

– Ой, тебе, – смеюсь я, прижимая её к себе, чтобы не дать упасть. И опять этот запах. Опять притяжение, которого ранее никогда не было. – Будь аккуратнее, рыжик, и не угробь нас обоих, пожалуйста, хотя бы до момента, пока мы не успокоим мою любопытную сестру…

*У меня вышла огненная новинка о запретной страсти «Мой одержимый студент»! Она замужем! Разница в возрасте 6 лет (19/25). Очень горячо. Читать – https://litnet.com/shrt/EOur

Глава 22.

Карина

Я лечу домой после работы, будто за мной по пятам несётся сама смерть с косой или, что пострашнее, хозяйка квартиры с очередной претензией. В голове только одна мысль: «Надо успеть. Надо выглядеть так, чтобы он посмотрел и офигел на месте! Чтобы он там реально из штанов выпрыгнул! И… И… Вообще! Чтобы понял, что нужно самому звать девушку на свидание, а не через сестру! Хотя он, похоже, ей про меня рассказывал… А это уже знак. Это уже больше, чем ничего!».

В квартире я бросаю сумку, скидываю офисные туфли, которые за день натёрли мне все мыслимые и немыслимые места, и влетаю в ванную. Смотрю на себя в зеркало и вижу не ту уверенную в себе девушку, которая буквально вчера спасла наставницу от лап грабителей, а какую-то взъерошенную, перепуганную девчонку с глазами, в которых читается настоящая паника.

– Соберись, – шепчу я себе, пытаясь унять дрожь в пальцах. – Это просто свидание. Да, со спецназовцем… Но какая, нафиг, разница?!

«Просто», конечно, не получается. Потому что для меня это не просто. Это первый раз за долгое время, когда я хочу, чтобы кто-то посмотрел на меня и подумал: «Вот она. Та

самая».

Я кручусь перед шкафом, хватаю одно платье, отбрасываю, беру другое, снова отбрасываю. В итоге останавливаюсь на зелёном – том самом, которое когда-то купила «на всякий случай», потому что цвет был такой яркий, такой живой, что казалось, будто в нём спрятано летнее солнце. И моя рыжая грива в таком цвете смотрится просто великолепно!

Надеваю каблуки. Те самые, на которых я хожу, как корова на льду – красиво, но с риском для жизни. Делаю шаг и чуть не падаю, зацепившись за край ковра.

– Ну вот, – бормочу я, хватаясь за спинку стула и глядя в глаза вздрогнувшему от неожиданности котику. – Классика жанра. Карина, ты неподражаема…

Час уходит на то, чтобы привести себя в порядок. Час, чтобы накрасить ресницы ровно, уложить волосы так, чтобы они лежали волнами, а не торчали во все стороны, как после урагана. Час, чтобы убедить себя, что я не выгляжу глупо, что это не слишком и не странно для фальшивого свидания…

И вот наконец звонок в домофон…

Сердце подпрыгивает к горлу, стучит там бешено, отчаянно, будто пытается выбить дверь раньше меня. Я делаю глубокий вдох, ещё один, поправляю платье, провожу ладонью по волосам и отвечаю.

Но там лишь голос какого-то мальчишки.

– Извините, а Антон выйдет?

– Тут нет никакого Антона! – рявкаю я от неожиданности,

а потом иду к окну, где вижу машину Андрея… Блииин.

Похоже, он давно меня ждёт…

Часы показывают уже без пятнадцати. Наверное, он не запомнил номер квартиры. Вот я дура!

Я тут же хватаю сумку, выбегаю в подъезд. Кое-как закрываю дверь. Стараюсь идти медленно, аккуратно, чтобы не споткнуться, не упасть, не опозориться окончательно… Вылетаю на улицу и вижу его… В чёрной рубашке, гладко выбритого, с этим своим спокойным, чуть хмурым взглядом, от которого у меня внутри всё переворачивается. И в этот момент он выглядит… не на свои годы. Не на свои мощные плечи, не на свою суровую профессию. Он выглядит на двадцать – тот самый мальчишка, который ещё не знает, сколько всего ему придётся пережить, но уже умеет улыбаться так, что хочется верить в чудеса.

Я спускаюсь к нему, задумчиво изучая не пол под ногами, а его самого, ну и на последней ступеньке каблук предательски подворачивается, и я лечу вниз – прямо в его сильные, надёжные руки.

Хорошо, что он ловит. А я не могу вымолвить ни слова. Как назвал-то! Рыжиком! Щёки горят – то ли от смущения, то ли от того, что он так близко, что я чувствую запах его туалетной воды…

Мы садимся в машину. Он заводит двигатель, выезжает со двора, а потом… замолкает. Сидит, смотрит на дорогу, сжимает руль так, будто мы участвуем в «формуле-1», но

скорость при этом как у старого деда. А я сижу рядом и думаю: «Ну вот. Я старалась, наряжалась, бежала домой, чтобы успеть, а ему, видимо, всё равно. Или не нравится. Или я выгляжу глупо в этом платье. Или каблуки слишком высокие. Или…».

Тысячи «или» крутятся в голове, сплетаются в тугой клубок, который сдавливает грудь и мешает мне дышать.

И наконец я не выдерживаю.

– Нет, если тебе что-то не нравится, скажи! – выпаливаю я, поворачиваясь к нему. Голос звучит резче, чем хотелось бы, но я уже не могу держать это в себе. – Ну что? Ты молчишь… А я, между прочим, для тебя домой бежала, потом час собиралась, чтобы красиво было, а ты ни слова не сказал! Ни «нравится», ни «не нравится», вообще ничего!

Он вздрагивает, будто я выдернула его из каких-то очень далёких личных мыслей. Поворачивает голову, смотрит на меня и вдруг начинает смеяться. Не издевательски, не насмешливо, а так, будто его прорвало, будто он сдерживался всю дорогу, а теперь не может остановиться.

– Ты надумала, – говорит он, всё ещё улыбаясь. – Ты выглядишь красиво. Очень. Просто я задумался, да и всё…

Я пыхчу, скрещиваю руки на груди, делаю вид, что обижена, но внутри всё тает. Потому что он сказал это так просто, так искренне, что невозможно не поверить.

Он смотрит на меня и улыбается. А потом протягивает руку, проводит пальцем по моей щеке. Так легко, будто боится

спугнуть. От этого жеста я перестаю дышать на мгновение…

– Улыбнись лучше, – шепчет он, задевая мою ямочку. – Не злись. Давай заедем за вином, ладно? И фруктами. Лилька любит…

Я киваю. Потому что спорить больше не хочется. Хочется просто сидеть рядом, смотреть, как он ведёт машину, как его пальцы уверенно лежат на руле, как в глазах у него мелькают отблески уличных фонарей и вообще… Как он улыбается моей реакции.

Мы останавливаемся возле небольшого магазина. Выходим, идём по проходу между полок, и я снова начинаю нервничать. Он такой спокойный, такой уверенный, а я будто не в своей тарелке вообще… Может нужно было просто в джинсах и футболке идти, а?

Андрей кружит вокруг, берёт с полок то одно, то другое, спрашивает: «А это будешь?», «А вот это?», а я киваю, мотаю головой, не знаю, что ответить. В голове пустота, только этот бесконечный внутренний монолог: «Ему не нравится. Точно не нравится. Он просто вежливый».

– Карин? – вдруг зовёт он, и я вздрагиваю, будто меня поймали за чем-то запрещённым.

– Что? – бурчу я, делая вид, что очень занята изучением этикетки на бутылке вина.

– Я спросил, будем брать персики? – он смотрит на меня, и в его взгляде столько терпения, столько нежности, что мне хочется одновременно расплакаться и рассмеяться.

– Бери… – пожимаю я плечами, отворачиваясь.

Он кладёт персики в корзину и делает шаг ко мне.

– Что не так, Карин? – спрашивает он тихо, так, что его голос звучит почти как шёпот. – Ты с самого начала какая-то напряжённая. Будто ждёшь, что я скажу что-то плохое…

– Ничего, – бормочу я, отходя чуть дальше, к отделу с фруктами. – Всё нормально.

– Не нормально, – настаивает он, догоняя меня. – Вы женщины порой такие странные, я не догоняю нифига…

И только я хочу ответить, что мне бы хотелось от него больше эмоций, как он вдруг выдаёт:

– Ты, кажется, сама сказала, что я на тебя тогда набросился? Значит, не хотела… Так в чём я виноват…?

Я замираю. Смотрю на него и злость берёт такая, что хочется треснуть ему по башке.

– И правильно, – продолжаю я, чувствуя, как внутри закипает обида, смешанная со стыдом. – Я не хотела! И вообще не хочу! Никогда больше целовать тебя не буду! – выпаливаю я и тут же жалею о своих словах. Но отступать поздно. Гордость не позволяет. – Понял?!

– Да понял я, понял.

– И перед сестрой от меня поцелуев не жди! Сугубо деловой ужин!

– Окей.

Я делаю шаг в сторону, собираясь уйти, скрыться где-нибудь за полками с консервами, чтобы никто меня не видел,

но тут краем глаза замечаю фигуру, которая заставляет меня замереть на месте…

Это мой бывший шеф… Тот ублюдок, что приставал ко мне и сказал, что у меня никого нет. А ещё не верил в моего спецназовца! И более того, предлагал мне разного рода отвратительные вещи, а после не поленился – написал гнусную отвратительную характеристику с места работы! Уродец!

А теперь он стоит здесь. Со своей женой. С ребёнком. Выбирает бананы. Бананы, блин! Улыбается. Как будто он – самый милый, самый порядочный и семейный человек, а не тот, кто спрашивал у меня про мой чердак. Мудила!

Внутри у меня всё клокочет. Кровь разгоняется, кулаки сжимаются сами собой, а в груди разгорается такой жар, что кажется, будто я сейчас вспыхну.

Андрей замечает это. Он поворачивается, прослеживает мой взгляд и его лицо мгновенно меняется. Из расслабленного становится напряжённым, жёстким, таким, что даже продавцы у кассы будто чувствуют эту перемену и невольно вздрагивают.

Но я не даю ему времени на размышления. Не даю себе времени на сомнения, потому что тот ублюдок уже замечает нас рядом. И я нагло обвиваю крепкую шею своего спецназовца руками, прижимаюсь к его губам так отчаянно, будто от этого поцелуя зависит моя жизнь. Прямо здесь, среди персиков и слив, под взглядами удивлённых покупателей, под жужжанием холодильников и тихим шорохом пакетов.

Андрей на секунду теряется, но ровно на секунду, потом же крепко прижимает меня к себе, его рука ложится мне на поясницу, чуть ниже, и… да, он хватает меня за задницу, прямо тут, в магазине, среди прилавков, будто хочет показать всему магазину, что эта задница принадлежит ему… Мы целуемся минуты три точно… Гладенький он совсем другой, конечно. Не колючий, нежный, приятный… Но целуется всё равно по-варварски…

А потом я отрываюсь от него с этим нелепым, характерным звуком, который в такой ситуации звучит почти комично, и ухожу прочь, цокая каблуками по плитке, чувствуя, как горят щёки, как сердце колотится где-то в горле, а этот придурок с женой и ребёнком уже уводит их оттуда прочь, убеждая, что они купили всё, что надо. Трус! Зассал?! Вот так-то! Он тебе ещё все кости переломает, если узнает правду! Вслух я, конечно же, этого не произношу…

– Э… Что это было сейчас такое? – Андрей догоняет меня уже у кассы, хватает за локоть, резко разворачивает к себе. Так, что даже кассирши замирают, а я смотрю на него невинными глазами, хлопаю ресничками и даже не знаю, что ему на это ответить…

– Ретроградный Меркурий, м-м-м-ожет? Я не знаю…

Глава 23.

Андрей

Вот коза, а… Опять меня засосала без предупреждения. И теперь строит такую моську, будто не при делах вообще. Но если тогда я списывал на случайность, то теперь уж точно знаю, что её прёт от меня. Не отвертится, нахрен.

Мы паркуемся у подъезда Лильки, и я чувствую, как внутри всё поджимается, будто не к сестре еду, а на внеплановую проверку от самого строгого генерала или на допрос.

Кошусь на Карину. Она сидит, теребит край своего красивого зелёного платья, смотрит в окно так пристально, будто на асфальте написана инструкция, как себя вести… И я понимаю её переживания, сам как пацан сейчас, если честно… И это я тут знаком с Лилькой с пелёнок…

– Слушай, – говорю я тихо, пока не заглушил мотор. – Если она начнёт давить, как умеет… сожми мне руку. Я всё пойму. И успокою её. Ладно?

Карина вздрагивает, будто я её из мыслей выдернул. Поворачивается в ужасе. И смотрит так, будто я сделал ещё хуже… Блин.

– Угу, – кивает она. – А она будет прям давить? Может тогда было лучше подготовить какую-то… Ну… Легенду…

Я стопорюсь.

– Да ну нафиг, мы запутаемся… Какую легенду? Проще

рассказать, как реально было… – говорю я. – Ну про енотов и куропаток…

Она смотрит на меня несколько секунд и молчит. В машине раздаются звуки сверчков.

– Не, дерьмовая идея, – говорю за неё. – Тогда давай… В каком-нибудь баре.

– Я не хожу по барам!

– Но она-то этого не знает… Хотя я тоже не хожу… Отстой… О! Ты же в банке работаешь! Скажи, что я просто заходил, чтобы… Открыть счёт, а ты мне помогла.

– Да? И она поверит?

Не уверен, конечно, но киваю.

– Должна…

– М-м-м… Ну ладно, так и скажу тогда, если что…

– Ну, ок тогда, идём, – вздыхаю я, выходя из машины. И тут же ловлю себя на мысли: «Да я сам как пацан, который впервые девушку к родителям ведёт». Хотя родители тут ни при чём. Тут хуже. Тут целая Лилька.

Мы поднимаемся на этаж, я нажимаю на звонок и дверь распахивается ещё до того, как звук успевает затихнуть. Лилька стоит на пороге с такой любопытной мордой, будто она у неё сейчас расколется на маленькие трещинки…

– Наконец-то! – орёт она, хватает Карину в объятия и начинает тискать её так, будто это не человек, а плюшевый медведь, которого она сто лет искала. – Какая ты красивая! Какая ты прекрасная! И рыжая! Какая он и говорил! Я в шо-

ке…

– А? Что…

Карина замирает, глаза у неё становятся круглыми, как блюдца, а руки висят вдоль тела, будто она не знает, куда их деть.

– Спасибо… – выдавливает она наконец, когда Лилька даёт ей хоть полсекунды на вдох.

– Игорь, знакомься, ты где там? – кричит Лилька вглубь квартиры, будто мы пришли не в обычную двушку, а в лабиринт размером с космодром.

– Ща! – доносится из комнаты, и через секунду появляется это чмо. Я, сука, смотреть на него не могу… Дайте мне сил, а…

Кошусь на Лильку. Та закатывает глаза.

– Даже не начинай, – бурчит она, будто я уже что-то сказал.

– Да я ничего, – пожимаю плечами, еле сдерживая смех. – Просто мог бы и выйти сразу. Чё как Серый, кстати? – шепчу, пока этот копошится, расставляя что-то на столе.

– Т-ш-ш-ш! – шикает она на меня, и тут я уже не выдерживаю – ржу в голос.

– Он чё, не в курсе, что ты была у него? – шепчу я с ухмылкой. – Может, рассказать случайно…?

– Только попробуй, – цедит она, глядя на меня сердито. – Я тебя убью.

– Ухахаха, – хохочу я, уже не сдерживаясь. – Ладно, лад-

но, молчу… Это, кстати, вам. – протягиваю Лильке пакет с вином и фруктами. – От нас.

– Это так мило с твоей стороны, гадкий братец, – фыркает она, но тут же расплывается в улыбке и снова обнимает Карину. – Спасибо, ребятки. Проходите, сейчас всё накроем.

– Не обращай внимания, – шепчу я Карине, пока Лилька уносится на кухню, звеня тарелками, как оркестром. – Она просто всегда такая…

Карина кивает, но в глазах всё ещё читается: «Я не знаю, что делать. Куда смотреть. Куда бежать». Она на митинге вела себя более уверенно, чем здесь… В логове моей сестры…

Мы проходим в гостиную, садимся. Я напротив этого додика, который поглядывает на меня недовольным взглядом. Потревожили Ваше Высочество? Помешали уродцу играть в свою приставку вечером? Что ж, не судьба…

И тут начинается…

Лилька выскакивает из кухни с тарелками, ставит их на стол, тут же хватает Карину за руку и начинает её расспрашивать – про работу, про детство, про любимые фильмы, про то, какие духи она пользует, про всё на свете, будто у неё в голове список из тысячи вопросов, и она боится, что если не задаст их прямо сейчас, мир рухнет и уже никогда не станет прежним.

А потом, как будто между делом, бросает:

– А ты как его терпишь, Кариш? Ну правда. Со спецназовцем жизнь такая сложная… Всё время переживаешь: а

вдруг не вернётся, а вдруг задание опасное, а вдруг… ну, ты поняла. Это ж нервы одни…

Карина вздрагивает. Я вижу, как она сжимает пальцы, как ищет во мне поддержки, и я незаметно, так, чтобы Лилька не обратила внимания, протягиваю руку и слегка касаюсь её ладони. Она тут же цепляется за этот жест, как за спасательный круг.

– Да уж… – тянет она, пытаясь улыбнуться, но улыбка выходит натянутой. – Это… да. Нервы. Но… зато знаешь, когда он возвращается… это как… ну, как будто солнце снова светит…

Я чуть ли не кашляю от такого заявления.

Лилька замирает с тарелкой в руках, смотрит на неё, потом на меня, и вдруг расплывается в такой широкой улыбке, что я понимаю: всё. Она уже расписала нашу свадьбу. В голове. В деталях. До последнего лепестка на букете.

Карина при этом вся красная как помидор.

– Вот! – восклицает она, хлопая ладонью по столу так, что вилки подпрыгивают. – Вот это я понимаю! Чувства! А то ты, Андрюха, всё молчишь, ходишь, как танк: «Так точно», «Никак нет», «Нечего обсуждать». Пффф! А тут… тут душа! Ты посмотри на неё! Солнце снова светит! Как же романтично сказано!

Я закатываю глаза, но внутри всё равно теплеет. Потому что Карина сказала это искренне. Без пафоса, хоть и не по-настоящему, но приятно, блядь. Я аж сам чуть не расплылся

тут… Цветной жижей по полу.

– Лиль, – пытаюсь я вставить слово, пока она не начала выбирать нам имена для детей. – Давай без драм, а? Мы только пришли.

– Без драм? – фыркает она. – Да какие драмы! Это жизнь! Это эмоции! Это… Ой, а ты хочешь тортик? Я такой тортик испекла… Вообще закачаешься…

Она замолкает на полуслове, хватает ещё одну тарелку и продолжает суетиться, будто если будет достаточно занята, никто не заметит, как у неё горят глаза от счастья.

– А вы уже вместе живёте? – вдруг выдаёт она, резко поворачиваясь к Карине. – Нет?

Карина начинает кашлять. Я тут же приобнимаю её, чувствуя, как она напрягается, будто готовится к прыжку с парашютом без инструктажа.

– Всё хорошо, дорогая? – шепчу я ей на ухо, стиснув зубы.

– М? Угу… – хрипит она, делая вид, что просто поперхнулась воздухом.

– Лиля, мы пока не вместе живём, – спокойно говорю я, стараясь не звучать как обвиняемый на допросе.

– А чего медлить! – всплескивает руками Лилька. – Вот мы сразу съехались!

– Так себе достижение, – бурчу я, а Лилька закатывает глаза так высоко, что, кажется, видит что-то за потолком.

– Нет, ну чурбан. Реально, как ты его терпишь? – снова обращается она к Карине, будто я тут вообще не сижу.

– Сама ещё не поняла… – вздыхает Карина, и в этом вздохе столько усталой иронии, что я сам чуть не кашляю в ответ.

Лилька хохочет, будто это самая смешная шутка в мире, а я щурю глаза, глядя на них обеих.

– Спелись, что ли? – ворчу я, но в голосе нет злости. Наоборот, внутри что-то теплеет, будто кто-то подкрутил термостат.

– Типа того! – радостно кивает Лилька, снова хватаясь за тарелки. – Так, а где вы познакомились? Это было романтично? Ну, прям как в кино?

Мы с Кариной переглядываемся, несколько секунд молчим и начинаем ржать, вспоминая, как сейчас на парковке планировали выпутаться из ситуации…

– Романтично, очень, – отвечаю я с сарказмом.

– Ага, – поддакивает Карина, вытирая глаза салфеткой. – Очень.

– Ну не томите! – Лилька садится напротив, складывает руки на столе и смотрит на нас так, будто сейчас начнётся сериал, который она годами ждала. – Рассказывайте!

Я вздыхаю, смотрю на Карину…

– Ну… – начинаю я, подбирая слова. – В общем, сначала она митинговала и защищала енотов, чуть не сорвав нашу спецоперацию у здания посольства. Потом пробралась на полевые учения, оправдываясь тем, что нужно спасти гнездо какой-то куропатки. Потом я увидел её среди заложников в банке – разумеется, в самом эпицентре опасности… Потом

она украла мой ствол, потом я вынужден был уйти от неё с её котёнком, который разодрал мне диван дома…

– Так стоп, стоп, стоп…

Лилька моргает. Раз. Два. Три. Потом медленно наклоняет голову, будто пытается осмыслить услышанное.

– Это же шутка, да? Что за боевик с элементами комедии?

Мы с Кариной молчим несколько секунд, а потом оба хихикаем, как два дурака.

– В банке, Лиля… Мы познакомились в банке… – выдыхаю я, крепко сжав Карине руку… – Она помогла мне открыть там счёт…

*Сегодня две главы, листаем дальше! А ещё сегодян максимальная скидка на офигенную дилогию о сводных «Подонок. Ты – моя игрушка» и «Сердце подонка» - https://litnet.com/shrt/0YG3, https://litnet.com/shrt/-cdI

Молодежный любовный

Глава 24.

Карина

Мне правда понравилось. Лиля довольно приятная и милая, хотя этот Игорь смотрел на нас так, будто мы сюда просто пожрать пришли, причём из его тарелки… В общем, он какой-то неприятный, но это не моего ума дело.

– Как же я рада была с тобой познакомиться! Ты не представляешь! – обнимает меня Лиля на прощание, и я её тоже. Мы даже обменялись номерами почти сразу. – Пока, братец…

– И я очень рада…

– Пока, Лилёх, – говорит Андрей и тут же меняется в лице. – Игорь. – прощается с ним суровым взглядом. Так, что мне становится смешно.

Мы спускаемся по лестнице, и сначала я ещё держусь. Но когда мы с ним выходим на улицу, нас обоих прорывает, как плотину, и мы начинает дико ржать на всю улицу…

– Она классная, – говорю я, чуть встряхивая головой, чтобы поправить свои волосы…

– Нормальная – да… – соглашается он. – Но ты была неподражаема. Как сказанула про это своё солнце, я ещё никогда так не ржал. Офигенно отыграла. Думаю, у неё и вопросов больше не останется…

Эти слова падают между нами, как камни. Тяжёлые, ост-

рые, безжалостные.

Я сглатываю ком, который вдруг вырос в горле, становясь горьким, колючим, таким, что от него хочется кашлять. Мне становится так неприятно внутри – будто кто-то взял и вылил ведро ледяной воды прямо на оголённые нервы.

Я вообще-то это от чистого сердца сказала. Про солнце. Про то, как оно светит, когда он возвращается. Это не было заготовкой, не было попыткой понравиться, не было игрой или каким-то приколом. Это было то, что жило у меня внутри, то, что я чувствовала каждой клеточкой своего тела, когда видела его. То в поле, то в банке, то дома с цветами. И от того, что он превратил это в шутку, в повод поржать и обосрать мои чувства, мне становится по-настоящему больно. Так больно, что хочется свернуться в клубок и спрятаться где-нибудь в тёмном углу, чтобы никто не видел, как у меня дрожит подбородок.

Сажусь в машину молча. Не смотрю на него. Не хочу, чтобы он увидел эту обиду, которая сейчас, наверное, написана у меня на лице крупными буквами. Андрей продолжает болтать – про Лильку, про Игоря, про то, как он мечтает, чтобы она наконец открыла глаза и поняла, что достойна большего. А я просто сижу и изредка угукаю, потому что если открою рот, то либо заплачу, либо скажу что-то такое, о чём потом пожалею.

Он везёт меня домой, рассказывает что-то ещё, а я смотрю в окно, на мелькающие фонари, на тёмные силуэты домов,

на редкие машины, которые едут навстречу, и думаю только об одном: «Ну и зачем я вообще сюда пошла? Зачем наряжалась, волновалась, пыталась быть милой и правильной? Если для него это всё просто игра, то зачем ему моя искренность?».

Мы подъезжаем к моему дому. Машина плавно тормозит. Я уже тянусь к ручке двери, собираясь выскользнуть наружу, раствориться в темноте подъезда, спрятаться за дверью своей квартиры, где никто не сможет меня задеть… Но…

– Кариииин… – Андрей дёргает меня за локоть, не давая выйти. – Чё случилось? Ты вдруг замолчала…

Я замираю. Пальцы сжимаются на ручке двери так сильно, что костяшки белеют. Хочется просто сказать «ничего», выскочить и убежать. Но слова сами рвутся наружу, прорываясь сквозь тугую плотину обиды.

– Ничего. Пока. Удачи.

– Так, стоп, – он не отпускает. Держит крепко, но не больно. – Посмотри на меня. Чё произошло? Реально! Я что-то не то сказал?

И тут плотина рушится. Обида, злость, растерянность – всё это выливается наружу, смешиваясь в один горячий, обжигающий поток.

– Если для тебя это всё игра, нафига было меня звать вообще?! – голос срывается, становится резким, дрожащим. – Ну и притворялся бы дальше один! Я тут ещё нарядилась для него, старалась, волновалась, думала, как бы не выглядеть

глупо… А ты – «отыграла, чуть не заржал!». Сволочь бесчувственная! Что теперь скажешь, а, чурбан неотёсанный?! Долго по моим нервам ездить собрался?!

Слова звучат грубо, жёстко, но мне уже всё равно. Пусть знает. Пусть поймёт, что нельзя вот так брать и обесценивать то, что для меня было важным.

Андрей смотрит на меня, держа за локоть, и вдруг начинает улыбаться… Такой противной гадкой улыбочкой, что как бы ударила по роже!

Он не говорит ни слова. И мне становится ещё обиднее. Но когда я психую, чтобы окончательно выйти из машины, он вдруг резко и властно дёргает меня к себе, так, что я даже не успеваю сообразить, что происходит. И целует. Жёстко. Напористо. Так, будто хочет не просто поцеловать, а доказать что-то. Себе. Мне. Всему миру вокруг.

– М-м-м!

– Тихо ты!

Сначала я брыкаюсь. Напрягаю руки, упираюсь ладонями в его грудь, пытаюсь оттолкнуть это чудовище, потому что злость ещё горит внутри, не давая просто сдаться. Но потом… потом что-то ломается. Напряжение уходит, руки слабеют, а вместо него приходит другое чувство – горячее, острое… То самое, что я чувствовала тогда в ванной комнате квартиры… Или тогда в магазине, когда он нагло сжал мою задницу у всех на глазах…

Андрей хватает меня за талию, как свою добычу, тянет к

себе на колени. Руль издаёт резкий, недовольный гудок, оповещая нас, что мы совсем потеряли стыд, ведь моя жопа сюда не вмещается, но Андрей не обращает внимания. Одной рукой он дёргает за рычаг, и кресло отъезжает назад, давая нам больше пространства.

– Я тебе хоть немного нравлюсь? – задыхаюсь в перерыве, пока стук моего сердца оглушает меня.

– Нравишься. Охуеть как нравишься.

Продолжает целовать…

Чуть мягче, будто изучает все грани. Его руки скользят по моей спине, притягивают ближе, пока между нами не остаётся ни миллиметра свободного пространства. Я обнимаю его за шею, прижимаюсь лбом к его лбу, чувствуя, как его дыхание смешивается с моим.

Он вцепляется в мою попу руками, притягивает ещё ближе, и я чувствую его твёрдый каменный стояк между ног. Такой, что внутри всё плавится от жара. Нет, это точно не пистолет, хотя по габаритам, должна признать, эта штука кажется ещё больше. Мамочки… Я ощущаю себя бабочкой в его крепких руках. А он продолжает наминать мою жопу, как тесто для пирожков…

В салоне становится так жарко, что нечем дышать. Он уже совсем обнаглел. Залез под подол, трогает там, где никому не дозволено трогать! Прямо по трусам ёрзает своими шершавыми руками! И ладно бы на мне было подходящее бельё, типа стринги там или хотя бы кружева… Но на мне обычные

симпатичные трусики в горошек. Мои любимые, между прочим… Только теперь мне почему-то стыдно от этого факта…

И я отрываюсь от его губ, издав какой-то жалобный писк.

– Хочу к тебе в гости, – хрипит он мне в рот и смотрит на меня своими голубыми похотливыми глазами. Я сглатываю, сильнее сжимая в руках его ворот…

Ну вот, Карина… Сейчас или никогда. Соглашайся…

– М… Пошли…

Глава 25.

Андрей

Я и не думал, что это всё начнётся. Опять как-то спонтанно всё. Эти скрытые желания лезут откуда-то из глубин моего звериного чисто мужицкого «я». И куда я их дену?! Вот куда? Когда тут такая задница… А ещё ведь и губки дует просто отменно. Я наглядеться не могу…

Обиделась такая… Дурочка.

Ну, блядь, я виноват, что ли, что эта фигня про солнце столь слащаво прозвучала?!

Не знаю, как мы до квартиры доходим. По пути к ней срываем в подъезде всю облупившуюся штукатурку, пока я тараню её своим «потенциалом», прижимая то к одной стене, то к другой… Благо успел презики прихватить. Бывает же такое, а… Нарочно не придумаешь.

Наваждение грёбанное.

Ключ проворачивается в замке и вот мы уже в её квартире. Только ничего не меняется. Мы как тёрлись друг об друга, так и продолжаем. Нет, ну что-то всё-таки меняется… Вещей на нас становится меньше… Моя рубашка расстёгивается её молниеносными движениями настолько быстро, что я начинаю думать, будто она работает в сраном моделинге…

Зато я вожусь с молнией на её платье, как старый дед. Мне страшно ей кожу прижать, если честно. Она же вся такая

хрупкая, маленькая… И синяки… Блядь, да они повсюду…

– Ёб твою мать… – уткнувшись взглядом в её спину, хмурюсь, потому что всё же расстегнул это красивое, но неудобное платье… провожу пальцами по веснушчатым плечам и вижу огромную ге

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.